
ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ 73 10

ВЕСОМОЕ ЗОЛОТО ХЛЕБА

«То, что мы в прошлом году успешно справились с трудностями, порожденными капризами природы, то, что мы в этом году хорошо идем вперед, свидетельствует прежде всего о большом трудовом подвиге нашего колхозного крестьянства и работников совхозов, — и за это все мы говорим им великое спасибо!»

Л. И. БРЕЖНЕВ
Из речи, произнесенной при вручении Украинской ССР ордена Дружбы народов.

Хлеб — всему голова. Издавна живут эти слова в народе, поражая простой, вытканной из человеческого опыта образностью.

Да, хлеб — то главное, без чего нельзя представить могущество государства. Хлеб — кормилец, хлеб — воин, хлеб — строитель. И когда смотришь на золотые разливы нив, всегда с благодарностью вспоминаешь людей, выращивающих

зерно, мастеров великого хлебного цеха страны.

Будь то малахитовый ковер озими, нежной, чистой, только вышедшей из-под снега, или четкие ряды вновь засеянного поля, или золотые волны готового к жатве хлеба, крутые, перекатные, с заливистой трелью жаворонка под высокими облаками — везде незримо присутствует он, хлебороб. И конечно, в неповторимой страдной поре уборки! Вот уж где, будто в фокусе, собирается воедино все, что копил, к чему готовил себя земледелец. Дни без отдыха, ночи без сна, неукротимый порыв, завидная страстность в работе. Иначе быть не может, когда прозвучат вдруг хлесткие, словно сигнал тревоги, слова: «Хлеб пошел!» И как радостно станет тебе, если самому доведется ощутить этот по́рыв, стать участником последнего в году сражения за большой хлеб.

Мы убирали «безостую-1» на самом дальнем поле. Жатки врезались в плотный пшеничный заслон, оставляя позади ровные рядки валков. Золотыми овалами опоясывали они поле, с каждым часом сужая золотой разлив. Сначала казалось, что нет конца-края этому светло-желтому морю, но шли и шли машины, и на наших глазах неукротимое море вскоре превратилось в кроткий залив, а потом в маленькое озерцо, готовое вот-вот иссякнуть совсем.

Какая это была работа!

Плечи наливались крутой тяжестью, сквозь защитные очки лезли в глаза колючие чешуйки пшеницы, но не существовало на свете в тот момент лучшей музыки, чем монотонные переборы жаток.

Работали в одну смену, и, когда наползали серые крылья сумерек и разом стихало все вокруг, шли мы, с трудом разгибая набрякшие усталостью спины, к дороге, где стояла на телеге бочка с водой. Наскоро смыв с разгоряченного тела пыль и пот, прихватив немудреный ужин, возвращались обратно.

По распоряжению председателя колхоза нам возили хлеб, испеченный из муки нового урожая. Никогда раньше не ел я такого хлеба! В нем смешались запахи спорых дождей и рассветных туманов, терпкий аромат прокаленных зноем полей и горячего солнца, словом, всего, что напитало, напоило хлебородную ниву за долгое время от сева до жатвы.

Поужинав, стелили мы телогрейки и, бросив под головы отощавшие рюкзаки, валились на стерню рядом с пшеничным клином. И долго не могла убаюкать нас своим разговором золотая нива.

Тогда-то и входили в эти тревожные ночи яркие картины моего детства.

Предутренний час в избе. Бабушка стряпает у печки, стараясь не греметь ухватами. Шипит, булькает в чугунах варево, потрескивают смолистые жаркие дрова. В этом нет ничего особенного, такое происходит каждое утро. Но сегодня день необычный, день выпечки хлебов. С нетерпением ждем мы, когда прогорят поленья и появится на столе высокая квашня. Нам ее не видно, но по стуку и поскрипыванию стола сразу угадываем мы: наступил этот волшебный миг.

Раздвинув в стороны тлеющие угли, чтобы хватило жару, освобождает бабушка место для хлеба. Потом по́д печи присыпает мукой и ставит круглое формовое тесто. Приятный дух проникает из кухни в переднюю, и тут уж не усидишь, потихоньку проберешься туда, чтобы не упустить тот момент, когда появится из печи, словно осколок солнца, первый хлебец.

Нет, с утра ничего не перепадало нам. Только в обед, когда возвращался с поля хозяин и разогретые чугуны дышали паром на краю стола, подавался свежий хлеб. Дед брал его в руки, прикладывал к груди, словно к сердцу, и размашистым движением ножа на себя нарезал толстые широкие ломти. Прежде чем взять ложку, он смахивал в горсть с кипенно-белого стола хлебные крошки и, причмокивая, жевал их, повторяя: «Пригож, пригож вышел хлеб!» Не голодное то было время, много пшеницы выдавали в колхозе на трудодень. Но хлеб для земледельца всегда оставался хлебом.

А сейчас, когда слушал я ночные звуки и засекал в небе белые черточки падучих звезд, невольно представлял себе истинного хлебороба. Так и входил он в сознание былинным богатырем с добрым взглядом, с натруженными руками в крепких жгутах мышц. Он заслонял собой все, вырастал до невероятных размеров и шел, властно шел сквозь бескрайние просторы полей.

То разминал в горсти вспаханную землю, то разбрасывал из бездонных карманов семена, то устремлялся куда-то через могучие волны пшеницы — и там, где пролегал его путь, вставали бронзовые горы зерна.

Очень зримо представлял я, как, управившись с жатвой, бережно берет он испеченный каравай, аккуратно отламывает кусочек, пробуя на вкус, а потом медленно, щепотку за щепоткой ест свой выстраданный хлеб.

Конечно, то был символ, простой и бесхитростный, и я понимал это. Но именно такую картину с завидным постоянством рисовало воображение. Да и сам хлеб вдруг начинал сверкать новыми гранями, наводя на другие размышления.

Где-то за горизонтом бродили, сталкиваясь, тучи. Все собиралась, но не решалась прогреметь гроза. Зарницы светили ярче костра. Их ослепительные всплески казались отблесками далеких прожекторов. Словно не в мирное время убирал я хлеб, а в те давние грозные дни, когда вспышки орудийных выстрелов напрочь затмили отблеск зарниц.

И виделись мне завьюженные улицы блокадного Ленинграда, израненного, голодного, но переборовшего врага. Пересилившего и голод, и жестокую стужу, и беспрерывные артналеты озверевших фашистов.

Пайка хлеба! До чего же мала она была тогда, в ту суровую пору! По нынешним понятиям ее едва бы хватило на завтрак. И разве есть мера, которой можно измерить героизм ленинградских ученых, бережно хранивших знаменитую коллекцию семян ВИРА! Не было цены той коллекции. Люди, имевшие, по сути, хлеб, недоедая, еле волоча от истощения ноги, берегли его, стоически перенося все невзгоды. Твердо верили они в светлый День Победы, знали, как пригодятся потом, после войны, драгоценные семена. Так оно и вышло на деле.

Мы убирали «безостую-1». Как знать, появилась бы она на полях, если бы не мужество ленинградских ученых!

Давно известно — золотая нива начинается с семян. И чем лучше, крепче сорт, тем полновеснее хлебный каравай страны. И разве не чародеи селекционеры страны!

Нелегко создать новый сорт. Непросто угадать в первых робких колосьях основу будущих богатых урожаев.

Что ждет впереди? Удастся или не удастся поиск?

Ежедневно выходит к опытному полю человек. Ждет, пробует, экспериментирует. И жизнь его — постоянный, всепоглощающий труд испытателя. Трудно, порой ликуя, порой отчаиваясь, продвигается он к намеченной цели, отбрасывая сомнения, веря в успех. Это тоже подвиг! Во имя науки, во имя людей, во имя богатства страны!

Так были созданы и «безостая-1», и «Аврора», и «Кавказ». Этими сортами мы по праву гордимся, ими занято сегодня почти три четверти всех посевов пшеницы. Заслуженную славу снискали они и за рубежами нашей Отчизны. Венгрия, ГДР, Польша, Чехословакия, Болгария, Турция, Дания, ФРГ... Можно продолжать и продолжать этот перечень, слова которого — координаты мест, где разлились из наших семян светло-желтые моря пшеницы.

Вот что виделось мне тогда, в резких отсветах июльских зарниц.

Жатва подходила к концу. Последние машины ушли на элеватор. Тракторы, словно утюги, бороздили поля, поднимая зябь, и они сиротливо опустели, ощетинившись навстречу осенним ветрам острыми колючками стерни. Снова приехал я в колхоз, когда в домах поселка чувствовалось приближение праздника. Как и положено, этот светлый праздник урожая отзвучал широко и раздольно песнями и плясками, отсверкал улыбками, пронесся по земле радостным гимном труду.

Что-то строго торжественное было в параде машин, которые вели мимо клуба трактористы в белых отутюженных рубашках. И в возбужденном гуле зала, вот-вот готового взорваться неуемным восторгом, присутствовала та же торжественность, идущая от гордости за успешно оконченное дело.

Один за одним поднимались на сцену механизаторы. Смущаясь, брали из рук председателя грамоты за ударный труд: разве я только — все старались, мол.

И, будто угадывая их мысли, сделал председатель едва приметный жест рукой кому-то за сценой — и тогда вынесли огромный каравай с солонкой наверху.

Надо было видеть, как невольно приподнялись все в зале, надо было слышать эту внезапную тишину, чтобы почувствовать: вот то, самое главное, чему отдано столько сил. Каждый сразу стал причастным к нынешним успехам и с нетерпением ждал, когда придет к нему эта «хлеб-соль». Бережно передавали люди хлеб из рук в руки, и плыл, плыл каравай по залу, объединяя всех в великое славное племя хлеборобов.

Вот когда изменился тот изначальный символ. Не былинные богатыри, а простые, возбужденные, прячущие за тихими улыбками свою радость люди — они-то и были настоящими хозяевами золотой нивы. И в шум этого праздничного торжества врывался постоянно гул машин, без которых немыслим образ хлебороба. Таково веление времени, так далеко шагнул сегодня земледелец.

Да, по праву называют хлеб главным продуктом, по праву в чести у нас добрая и благородная профессия хлебороба. И всегда нужно помнить об этом. Помнить и бережно относиться к золоту самой высокой пробы — весомому золоту хлеба.

В. Кулагин

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ 73 10
Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

ВСЕГДА ГОТОВ! ПИОНЕРСТРОЙ

И загорелись на озере костры! Светлые полоски отсветов, вздрагивая на водной ряби, словно кривые мечи, уткнулись в берег. Сразу распахнулись серые сумерки, и далеко-далеко раздвинулась озерная гладь, высвеченная легким трепетом огня. То был прощальный костер Всероссийского слета членов школьных лесничеств и юных друзей природы. Впрочем, это прощание с доброй карельской землей, с озером, где прожито пять счастливых дней, с белесым небом в тонком бисере вечерних звезд радостно волновало каждого. Гремели, гремели веселые песни, и вода, усиливая звук, казалось, несла от озера к озеру, через хвойные боры и березняки, по всей зеленой и голубой Карелии сердечное ребячье спасибо. И отблески пяти костров на воде, словно алые ленты чемпионов слета, струились, струились к берегу.

Да, слет назвал своих чемпионов, победителей конкурсов. Среди юных лесоводов им стала Таня Годоева из Петрозаводска, у зоологов лучшая — Наташа Пекарская из Ленинграда, первенство среди юных ботаников завоевала Вера Иванова из Тюменской области. Провели свои конкурсы зеленые и голубые патрули. Тут отличились мальчики. Руслан Степин из Брянской области и Сергей Ростомов, приехавший сюда, в Карелию, с далекой Камчатки, по праву надели алые ленты чемпионов.

Но не только они, победители, каждый участник слета поделился с друзьями своим опытом по охране природы. И радостно было слышать рассказы о больших и важных делах школьников России.

Как наказ прозвучало на слете напутствие ученых: «Чтобы стать настоящим другом леса, природы, надо знать основы взаимодействия леса и окружающей его среды; изучить строение, размножение, рост и питание основных видов древесных, кустарниковых пород и травянистого покрова; проводить опытническую работу с лесными культурами; уметь отобрать лучшие семена лесных пород, деревьев и кустарников, вырастить из них хороший посадочный материал и рассадить его на лесокультурной площади; научиться делать отвод лесосек и учет запасов древесины, вести борьбу с лесным пожаром, вредителями и болезнями леса; знать основных представителей лесной фауны и уметь проводить биотехнические мероприятия. Сотни гектаров молодых лесов, выращенных вами, тонны собранных семян лесных пород, работа по охране лесов от пожаров и вредных насекомых, приумножение лесной фауны, проведение исследовательской и опытнической работы с лесными культурами — это хороший вклад в общегосударственное дело охраны природы, это достойный ответ школьников — пионеров и комсомольцев на заботу о них партии и правительства».

Вот какие теплые слова напутствия увозили со слета юннаты. А еще увозили они маленькие конвертики с семенами карельской березы, которые подарили всем делегатам ребята из школьного лесничества «Берендей». И семена эти, словно символ дружбы, дадут со временем нежные всходы. День ото дня будут крепнуть они, подрастая, а вместе с ними будут расти и крепнуть славные дела школьников России по охране родной природы.

Вот какую клятву произносит каждый, кто вступает в наше школьное лесничество:

«По-ленински относиться к природе, быть навсегда преданным другом леса, сделать все возможное, чтобы не скудели лесные богатства, посадить за школьные годы сто деревьев».

И мы верны этой своей клятве. Каждый год сажаем рощи из дуба, кедра, карельской березы. В окрестностях Петрозаводска заложили кедросад на полутора гектарах, а в самом городе высадили триста карельских березок.

А как интересно проводить опыты! Выращиваем мы, например, молодые дубки. Из разных районов страны происходят они. И что же получается? Дубки с острова Валаам растут в два раза быстрее, чем чувашские или саратовские. К тому же они не кустятся, не обмерзают. Опыт опытом, но и все новоселы чувствуют у нас себя хорошо.

Таня Годоева

г. Петрозаводск

«Говорит первый!» Если звучит в телефонной трубке этот пароль, сразу выезжают на место происшествия работники рыбнадзора. Значит, ребята нашего голубого патруля обнаружили браконьеров.

У нас на Сахалине много рек и речушек, куда заходят на нерест лососевые рыбы. А весной после половодья попадают иногда мальки в беду — остаются вдалеке от большой воды. Тогда-то мы и приходим к ним на помощь. Посудите сами, только в этом году наш отряд вернул рекам Сахалина больше полумиллиона мальков ценных промысловых рыб.

Не только сетью вылавливали мы бедолаг, приходилось прокапывать и канавы, по которым уходила вода из озерец и стариц. Одиннадцать спасительных каналов соорудили ребята.

В большой дружбе мы и с лесом. Хорошо известно ведь, что лес воду бережет. Мы высаживаем по берегам молодые деревца. Этой весной озеленили речку Найду. Шесть тысяч деревьев встало на ее берегах.

Вера Нуждина

Сахалинская область

Это лето для нас было горячим. В нашей бригаде немного ребят, но народ весь дружный, проверенный. Не пугает нас, что участок находится в 15 километрах от села, а с транспортом не всегда благополучно. Мы не унываем!

Девочки пропалывают саженцы ели и лиственницы. Радостно смотреть, как расправляют деревья свои ветви. Мы даже разговариваем с молодыми деревцами, «малышками» их называем. Мальчишки в это время занимаются осветлением, а младшеклассники собирают лекарственные травы. Так и живем — дружно, деловито.

В этом году пропололи 140 гектаров молодых посадок, осветлили 25 лесных гектаров. И на питомнике потрудились на славу. Там растет кедр. Благодаря школьникам этот сибирский новосел стал постоянным гостем в нашем Великопольском лесничестве.

Лена Слышева

Псковская область

Все лето выполняли отряды «Белой березы» задания нашего конкурса. Много интересных походов провели ребята, чтобы успешно закончить операцию «Родничок». Зато сколько нового узнали, как много совершили полезных дел! Таков уж девиз участников конкурса — работать так, чтобы богаче, прекраснее становилась родная природа.

КИСЛЫЙ КЛЮЧ

Выполняя операцию «Родничок», нанесли мы на карту-схему два ключа — Сушиков и Кислый. Наши лесничие во главе с техником Леней Веремчуком побывали на Сушиковом ключе, а семиклассники съездили на Кислый. Именно эти два ключа дарят отдых и радость людям наших сел. Чистая и прохладная вода Сушикова ключа нужна косарям, лесникам, пастухам и любому, кого притомили жара и жажда. Кислый ключ находится в тайге. Это минеральный источник, вода которого насыщена газами, богата солями железа. Вода здесь вытекает двумя небольшими струйками из толщи земли. Но родник очень запущен: подход к нему зарос кустарниками и захламлен.

В конце мая вышли мы в поход. Прибыв к Кислому ключу, сразу же приступили к работе. Очистили территорию от мусора, вырубили кустарник, обновили русло ручейка. Ребята соорудили деревянный тротуар, построили возле каждой струйки удобные мостики. В благоустройстве родника приняли участие и отдыхающие.

К Сушикову ключу отправились мы в начале июня. И там закипела работа. В двух местах сделали мы переход через ручей, очистили русло, из сухих жердей настлали удобный тротуар. Не забыли и сам родничок. Теперь над ним возвышается сруб, а рядом висит лозунг: «Для вас, путники!»

Пусть люди, которые часто бывают в этих местах, придут сюда отдохнуть и попить светлой, чистой ключевой воды.

Люда Журавлева

Село Любитовка
Приморского края

ПРОПАВШИЙ ИСТОК

Я живу в Ялте. Много рек скатывается здесь с Крымских гор, но больше всего люблю я Учан-су и Яуз-лар. На Учан-су — водопад. Высота его порядочная — около ста метров. За ним начинается подъем в скалы, где, вероятно, находится исток реки. Я долго ходил, искал исток, но так и не смог найти. Кругом обрывы, скалы, бестропье, осыпи. Однажды добрался туда, где уже не было истока, он остался ниже. Два дня лазил я по горам, но истока так и не нашел.

С Яуз-лар вышло много проще. Я сразу нашел ее начало. Вытекает она из-под скалы немного ниже яйлы. Сначала это маленький ручеек. Но потом откуда-то со склонов он пополняется водой других ручьев и бойко бежит вниз. На полпути — водопад. Конечно, не такой, как Учан-су. Разве назовешь водопадом пятиметровый столб падающей воды? А по берегам заросли ожины, ежевики. Ниже тополя, ивы, вербы смотрятся в ее воды.

Когда я искал истоки этих двух рек, вот на что обратил внимание. Возле яйлы, наверху, у муравьев очень большие дома, и сами они черные и крупные, особенно в буковых рощах в районе Красного камня и Грушевой поляны. А ниже муравейники меньше, да и муравьи, чем ближе к морю, становятся все меньше и светлее окраской.

Почему это? Я не знаю пока.

Думаю, впереди еще не один поход в горы. Обязательно отыщу я исток Учан-су и разгадаю загадку муравьев.

Валера Косьмин

г. Ялта

УЧЕНЫЕ РЕКОМЕНДУЮТ

В городе Свердловске живет старый лесовод, Василий Васильевич Ассанов. Уже давно он занимается выращиванием сибирского кедра и других деревьев — лиственницы, сосны. В пригородном лесничестве ему даже отвели небольшой участок леса, на котором Василий Васильевич и проводит свои опыты.

Вот какие способы применяет Ассанов.

От пеньков и круглых бревен он отпиливает кружки-диски толщиной 3—5 сантиметров и сверлит в них сквозные отверстия шириной около 10 миллиметров. Эти отверстия он заполняет влажным торфом и кладет в них по одному семечки кедра, сосны и лиственницы. Диски с семенами Ассанов ставит прямо на дернину. Семечко прорастает. Корешки проникают в землю. Деревянный диск будет служить ему защитой от сорняков, сохранит в почве влагу, создаст хорошую среду для появления полезных земляных червей.

Ассанов использует для выращивания деревьев оставшиеся на вырубках старые пеньки, кладет на пенек перевернутую землей вверх дернину, подсыпает еще слой торфа и высевает древесные семена. Он надеется, что корешки древесных всходов проникнут в древесину гниющего пня и затем достигнут земли. Пока деревца маленькие, пенек должен служить им защитой от сорняков так же, как диски.

Василий Васильевич использует и основания старых пеньков, где всегда скопляется толстый слой плодородной почвы лесного гумуса, в который он и помещает семена.

А если надо рассадить всходы, то Ассанов поступает так: сажает деревце в верхний слой почвы и прикладывает к нему две дощечки с вырезами для стволика, которые он называет «раскладушками». Они должны сыграть ту же роль, что и диски.

Лесовод Ассанов в своих опытах многое заимствует у природы.

Птицы сойки, так же как белка и бурундук, помогают расселять кедр и другие хвойные породы, пряча их семена в лесную подстилку, в мох, засовывая их в расщелины коры старых пеньков, а после забывая о них. Такой способ выращивания деревьев не нуждается в предварительной подготовке почвы, да и сорняки не так опасны. Ведь если маленький кедр появится у основания пенька, он будет все же в лучших условиях, чем другие растения.

Но только вот в чем дело: в лесу все развивается медленно; чтобы утверждать, что хорошо и что плохо, надо наблюдать не один год. А Василий Васильевич свои опыты начал недавно. Его кедрики, лиственницы, сосенки в деревянных дисках, на пеньках и в «раскладушках» пока еще совсем маленькие. Поэтому на многие вопросы он еще не может дать ответа.

А вопросов можно задать немало. Вот, например.

В деревянном диске просверлено отверстие 10 миллиметров, в которое заложено семечко. Толщина стволика у деревца может достигнуть 10 миллиметров, когда диск еще не сгниет, не станет ли он ярмом для деревца, не задушит ли он его?

Семена были посеяны на пеньке в перевернутую дернину. Корешки всходов скоро проникли сквозь нетолстый слой почвы, достигли еще не сгнившей древесины пенька. Как они будут вести себя дальше?

В. Барков

УРАЛЬСКИЕ УВАЛЫ

Чуть ли не каждый любитель странствий, знакомый с Уралом, мечтает взобраться на самый загривок хребта. Он выше южных гор, за ним уже начинается Ледовитый океан. Почти в одном месте там собрались самые большие вершины — Народная, Карпинская, Сабля, Манарага... Стоят они, неприступные, гордые, обдуваемые северными лютыми ветрами, держат на макушках шапки вечных снегов, грозят головокружительными цирками, обрывами и ущельями, и всегда хочется их одолеть.

Дважды заносила нас судьба на Приполярный Урал. В первый раз мы, запасшись путеводителями и крупномасштабными картами, попытались проникнуть к нему с севера. Кажущаяся на карте простота маршрута оказалась сущим заблуждением. Приполярный Урал не припас хороших троп и удобных рек.

Как и подобает новичкам, мы избрали самый короткий путь — прямой. От Печоры доехали до полустанка Кось-Ю и сразу же оказались в центре внимания белоголовой ватаги ребятишек, привлеченных нашим необычно лихим туристским видом и огромными рюкзаками. Они-то и стали первыми проводниками. Щелкая комаров на босых ногах, они бежали впереди, а мы, пыхтя, как мулы, под сорокакилограммовым грузом, брели за ними по едва заметной в многотравье тропинке. Часа через два мы очутились у какой-то безвестной протоки.

— Теперь перейдите ее и вон у той коряги найдите дорожку, по ней попадете на речку, а вдоль речки пойдет новая дорожка до самых гор, — словоохотливо объяснили наши юные проводники.

— А вы разве дальше не пойдете?

Мальчишки переглянулись, старший шмыгнул носом и бодро заявил:

— Не. Дальше мамка не велит.

Мы остались один на один с водной преградой. Вода в протоке была идеально чиста, виднелись пятнистые спины непуганых хариусов. Разуваться не хотелось — вокруг кружили огромные злые комары. Переправились, не раздеваясь. Потом потеряли тропу. Пошли наугад через густой черный лес. Это был очень старый и грустный лес. Деревья здесь умирали стоя. Вырастут, погибнут на корню, подточенные стоячими водами болота, и долго еще держатся, пока не свалит их ветер.

Потом мы поднялись на высотку, лес кончился, и перед нами открылась изумительная в своем величии и красоте панорама Приполярного Урала. Сизые горы с белыми боками казались такими близкими, что захотелось помчаться к ним со всех ног и сразу вскарабкаться по круче до самой снежной макушки. Но мы посмотрели чуть ниже и увидели речку Кось-Ю. Извиваясь, она бежала по предполярной тайге и терялась далеко-далеко в сиревато-зеленом подножье. Мы спустились к этой реке. Вдоль берега то по гальке, то по песчаным барханчикам шла тропа.

Кое-где спела морошка, кисловатая на вкус, но гораздо крупней тундровой.

Иногда мы влезали на сосну или березу, осматривали окрестности, но ничего не видели, кроме бесконечного леса и гор. Они постепенно меняли окраску, темнели, переливаясь из лилового в коричневое, и притягивали нас как магнитом. Мы шли и шли, позабыв об отдыхе, перебираясь через белый, как кости, плавник, преодолевая множество проток.

Так и не заметили, как приполярное солнце скрылось за лесом. Все вокруг вдруг посерело, поблекло. С новой силой набросились комары. На ногах повисли гири. Все. Привал.

Жарко горит плавник. Он как порох. Дыма нет. Комары валятся в огонь с обожженными крыльями. Прибрежный песок раскаляется и потрескивает, будто соль на сковородке. Сушим ботинки, засунув их в этот песок. Огонь пожирает целые бревна. От мокрой одежды валит пар...

Неизвестно, кто первым хватился ботинок, но когда мы выдернули их из песка, они походили на печеные яблоки. Мы знали, что кожа размокает, стали совать ботинки в воду — так кузнецы бросают в бочку красные куски железа, закаляя металл. Наши ботинки не хотели размокать. А запасных не было...

Вдобавок утром ухудшилась погода. Повалил снег — частый гость среди лета. Пришлось повернуть обратно, так и не увидев Приполярного Урала. Не всегда, оказывается, хорошо идти неторной дорогой, если нет умения и выдержки побеждать превратности странствий.

Прошло много лет, и вдруг однажды с особенной болью мы вспомнили о тех снежно-голубых вершинах, которые мы когда-то не смогли одолеть. Очевидно, нет лучше чувства неудовлетворенности. По крайней мере, присутствуя в нас, оно зовет к действию, пусть даже после того злосчастного случая, когда мы повернули обратно. Главное, нам посчастливилось начать все сначала. Только на этот раз мы избрали путь более дальний, но верный. Мы сначала прилетели в Саранпауль — небольшое мансийское село, а оттуда вместе с геологами отправились к вершинам северных уральских вершин. В Приполярном Урале вся система горных хребтов как бы скручивается в узел и поднимается ввысь над всеми горами Южного Урала. Гора Народная — самая большая вершина всего Уральского хребта. Здесь-то и находится месторождение чудесного минерала — горного хрусталя.

Гора покато бежит к обрыву. Возле обрыва несколько палаток и домиков. Рассказывают, что зимой эти постройки тонут в сугробах по самую крышу. Выше поселка — штольня. Черный прямоугольник входа обрамлен тяжелыми стойками.

Уходим в горы. У поворота штольни несколько горнорабочих в эбонитовых касках. По какому-то тревожному напряжению догадываемся, что происходит нечто значительное. Проходчики на первый взгляд все одинаковые, в куртках, с бородами, с блестками пота на лицах.

— Смотрите!

Мы ничего не видим. Проходчик, как пику, вскидывает тяжелый отбойный молоток. «Та-та-та!» — длинная очередь пронзает большую глыбу. Камень падает, взметывая густую едкую пыль. Мы напрягаем зрение и различаем покрытую изморозью стенку.

Льдинки не таяли. Они робко мигнули в сумеречном луче, а потом вдруг затрепетали голубым светом, словно радуясь избавлению от мрака и тесноты. Это и был горный хрусталь! Редчайший минерал на земле.

Гёте сказал о хрустале прекрасные и точные слова: «В мире минералов самым чудесным является самое простое». Хрусталь сравнивают со льдом. Древние греки думали, что этот минерал — лед, потерявший способность таять.

Но прошлое искусство народов оставило тысячи интереснейших изделий из горного хрусталя. Это и наконечники стрел — сверстники каменного века, и прекрасные кубки для питья, принадлежавшие римскому императору Нерону, украшения мечей и крестов средневековья, вазы, кубки, статуэтки времен Екатерины II и многое другое.

Все эти изделия перекочевали в музеи, хранятся как образец мастерства человеческих рук.

Горный хрусталь сейчас применяется в оптике, электронике, радиотехнике. Чистый природный хрусталь в виде призм, пластинок, линз служит эталоном для оптических измерений.

Горный хрусталь считается и кристаллом точности. Из него изготовляют часы, которые обладают исключительным постоянством хода. В сутки они могут ошибаться лишь на одну десятитысячную секунды. При помощи таких часов ученые устанавливают неравномерности вращения Земли, проверяют действия точных приборов.

Словом, истинная ценность прозрачного, искрящегося белым светом минерала не имеет ничего общего с обыденным представлением о хрустале как об украшении, материале для поделок.

Конечно, уже давно научились «выращивать» кристаллы в лабораториях, нашли ряд заменителей горного хрусталя. Но все же естественное, данное природой всегда остается лучше искусственного. Поэтому и работают здесь, в холодном Приполярном Урале, геологи, геофизики, добытчики, обогатители и люди других горных профессий.

Среди русских, украинцев, армян, абхазцев здесь много людей местных — представителей маленького таежного народа манси. Они уже давно сменили древние профессии охотников и рыболовов на более современную, техническую.

Часто, кружа по окрестностям, мы натыкались на следы древних могил с истлевшими нартами и костями от жертвоприношений.

Манси верили, что со смертью не прекращается жизнь. Человеческая тень — «ис» отправляется в подземное царство Куля, скрытое во льдах океана. Не надеясь на лучшую жизнь на земле, они верили в бессмертие так по-детски наивно, что покойника обряжали во все теплое, оставляли на могиле пищу, оленей, оружие, нарты: ведь так долго придется ему ехать в это самое царство Куля. А когда тень достигнет океана, она будет вести точно такую же жизнь, как и на земле, с той лишь разницей, что навсегда избавится от болезней, голода, повинностей. Душа же — «лили хеллехолас» переселится в тело народившегося младенца другого племени.

Еще сравнительно недавно народ манси был причислен к группе вымирающих. Вечная нужда и горе отразились даже на его песнях. У манси был музыкальный инструмент — журавль. Он не издавал веселых звуков, даже если бы этого хотел исполнитель. Песни рассказывали о несчастной любви, о болезнях или неудачной охоте.

Сейчас во многом сгладилась самобытность манси. И это вполне естественно. Но на дальних стойбищах еще живут старики, сохранившие древние представления о мироздании. Они поклоняются медведю, гагаре, лебедю, щуке, налиму, что, однако, не мешает им при случае опустить добычу в котел. Они верят, что из зверей, рыб и птиц рождаются боги или, наоборот, боги превращаются в зверей и птиц.

На Приполярном Урале мы встретились со старым охотником, который с самым серьезным видом утверждал, что гагара принимала участие в сотворении мира. И он вел интересный счет времени. У него самым коротким мерилом было слово «кот», то есть «котел», вернее, время, затраченное на приготовление ухи или похлебки. Неделю он просто называл числительным семь. Месяц для него — «луна», год — «зима — лето».

Убранство дома охотника представляло собой удивительную смесь старинного с настоящим. Рядом с ведрами и детской колыбелью, сплетенными из бересты, сосновыми лыжами, скользящая поверхность которых была обита оленьей шкурой, с высокими унтами — «топри» соседствовали шкаф с книгами, радиоприемник последней марки, а на спинке высокой деревянной кровати висела на ремешке «Спидола» — веселый спутник в тайге.

Сейчас на земле манси появилось множество звероводческих ферм, ондатровых колоний, за которыми стал присматривать человек. Он стал новым хозяином земли — полновластным и умелым. И манси занялись звероводством. А многие из них научились добывать горный хрусталь, искать нефть и газ, водить самолеты и тракторы.

Тем они и живут сейчас.

Разумеется, тот, кто попал на Приполярный Урал, не преминет взобраться на самую большую вершину всего Уральского хребта — гору Народную. По древним легендам манси Народная старше всех остальных вершин Урала и будто бы она народила их, по-матерински присматривая за ними со своей почти двухкилометровой высоты. Отсюда у горы и появилось ласковое наименование с ударением на первом слоге. Но геологи, досконально изучившие биографию Урала, не согласились с легендами. По их мнению, Народная, как и весь Приполярный Урал, еще сравнительно молода. Оттого она и может гордиться своим статным ростом. Гора не согнута, не сгорблена временем, которое так беспощадно расправилось с ее более южными старшими сестрами.

Сначала Народная довольно поката. Казалось, что так можно дойти до самой вершины. Под ногами мягкий и влажный мох. Между камней струятся ручейки ледяной воды — таял на вершине снег.

Потом пошли снежники. Пришлось надевать темные очки. Потом сплошные ледяные завалы... Странное происходит с дыханием. Сначала язык становится шершавым, как рашпиль. Губы стягивает сухость. В горле становится ком. Сердце учащенно бьется, болит и ноет каждый мускул... Идем по гребню. Неподалеку синеет гора Хобе-Ю. Коварная гора. Она похожа на Народную и вводит в заблуждение иных туристов, которые неважно ориентируются по карте. Они взбираются на Хобе-Ю, пишут восторженные записки, а потом убеждаются, что покорили вовсе не первую вершину Урала, а другую, меньше.

Слева — отвесная пропасть. Справа — снежник. Кажется, вершина рядом. Камень, другой, третий... Нет, это вовсе не вершина. Она намного дальше. Взбираемся еще на одну вершину и видим, что настоящая опять выше. Отдыхаем, упершись каблуками в расщелины, прислонившись к камням. Огромная глыба вздымается над нами. До нее метров тридцать. И много и мало. Последнее усилие. Две скалы прижались друг к другу. Протискиваемся. в узкую щель. Ухо нечаянно припадает к стенке. Слышим, камень поет!

Вскарабкиваемся еще на одну скалу, и вдруг ветер резко обжигает лицо. По привычке смотрим вверх — ничего! Мы на вершине!

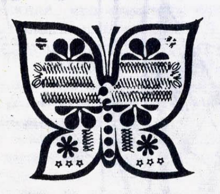
Вершина — маленький остров среди безбрежного моря — с одной стороны полярной тундры, с другой — восточной, хантымансийской тайги. Крохотный каменный «пятачок» вершины — наша осуществленная мечта. Теперь одна дорога — назад. Но мы не хотели расстаться с вершиной, хотя знали, что любой дороге приходит конец. Мы знали и боялись, что, когда проснешься завтра, уже не надо будет мокнуть под дождями, изнывать от зноя, питаться кашей, пахнущей горьковатым дымом, и пить чай, в котором плавают сосновые иглы, ложиться в мешок под открытым небом, слышать глухие крики сов и видеть, как бесшумно падают звезды. Да, завтра, быть может, не будет той душевной ясности, которая рождается в дорогах, в днях, когда не знаешь, что ждет тебя завтра, и от этого ты волнуешься и ждешь чего-то необыкновенного. Таково уж счастье путешествий.

Е. Федоровский

Рис. Л. Бирюкова

ОТ СТУЖ И ВЬЮГИ

Низко-низко нависло серое осеннее небо. Холодный ветер гуляет среди голых деревьев. Одинокая ворона на вершине старого тополя зябко втянула голову в плечи — наверное, завидует улетевшим на юг журавлям. Нелегкая жизнь ждет зимой птиц и лесных зверей. А каково в это время насекомым — крошечным существам с холодной кровью? Как переживают они зиму, спасаются от стужи?

Оказывается, большинство взрослых насекомых в наших краях вообще не доживает до зимы. Срок их жизни — один-два теплых месяца, иногда день-другой.

Вот тихо сидит на травинке пестрый летний мотылек. Почти месяц он кружился над цветами, пил медовый нектар. Дождевые капли обтрепали яркие крылышки, стерли с них многоцветную пыльцу. Бабочка сидит неподвижно. Осторожно подключим к ней приборы, регистрирующие биение сердца, дыхание, обмен веществ, нервные импульсы. Приборы покажут, как медленно, постепенно угасают все жизненные процессы: слабеет дыхание, все реже сокращается сердечко. Сначала бабочка вздрагивает от каждого постороннего движения, потом до нее можно дотронуться — она не пошевельнется. Так умирают насекомые — тихо, спокойно, словно погружаясь в глубокий сон. Пройдет день-другой, и высохшее тельце бабочки, словно осенний лист, упадет на землю. Вот и все.

Нет, далеко не все. Где-то в основании сухой веточки аккуратной кучкой отложены зеленые яички бабочки, каждое с булавочную головку. Им нипочем зимняя стужа. Под тончайшей крепкой скорлупой хранят они жизнь будущего поколения.

Но иногда среди январской стужи в комнате вдруг

заплящет на окне раскрасавец павлиний глаз. Оказывается, бабочка спряталась осенью где-то между рамами, а теперь разбудило ее тепло отопительных батарей. Если поставить в комнате блюдечко с подслащенной водой, бабочка может прожить до весны. За окном вьюга, мороз, а по комнате порхает вишнево-красная бабочка — прощальный подарок минувшего лета. Многие из бабочек — крапивница, траурница и павлиний глаз — заберутся осенью глубоко в кучи сухих листьев или хвороста и там в глубоком сне переживают зиму.

В природе насекомых, перезимовавших взрослыми, легко узнаешь — они появляются весной самыми первыми. Еще не весь снег растаял, а уже летают желто-серые крупные мухи — поллении, похожие на обычных комнатных мух. Летом поллений и не увидишь, а глубокой осенью эти насекомые назойливо лезут в комнату, ищут места потеплее, где можно спастись от холода.

Зимующих насекомых обычно находишь неожиданно. Под городом Истрой высятся белые стены и грозные башни древнего Ново-Иерусалимского монастыря. Далеко за пределы крепости к реке выведен потайной подземный ход. Однажды зимой я осматривал этот ход. Чиркнул спичкой — и пламя осветило искрящийся инеи на древних кирпичных стенах — самое невероятное множество комаров, самых обычных комаров-кровососов.

Почва, слой сухой хвои в лесу — обычные места зимовки насекомых. Где-нибудь в сухой трухе старого пня можно найти толстого мохнатого шмеля или черно-желтую осу. У шмелей и ос зимуют только самки. Гибнут самцы, гибнут и рабочие осы, пустеет изящное, но совершенно негодное для жизни в морозную зиму гнездо, а молодые самки ищут зимние убежища в трухлявых пнях. Не слишком удобные хоромы, зато тепло и безопасно. А у рыжей дикой пчелы под названием «трехрогая осмия» даже самки зиму не переживают. Самки осмий все лето суетятся вокруг сухого стебля ежевики: сначала прогрызают в его верхней части отверстие, потом точат внутри стебля полость, делят ее на расположенные одна за другой ячейки и заполняют их медом и пыльцой, начиная с самой нижней. Когда ячейка заполнена, осмия откладывает в нее яичко, запечатывает сверху и переходит к следующей, расположенной выше. Заполнив все ячейки, пчела улетает и вскоре гибнет, а из яичек развиваются личинки. Каждая грызет медовую коврижку, приготовленную для нее заботливой пчелой, и растет как на дрожжах. Внутри ежевичного стебля личинки осмий проводят зиму, а весной окукливаются и превращаются во взрослых пчел. Нетрудно догадаться, что первой появляется осмия из нижней ячейки — ведь она развивалась дольше других. Как же она выбирается наружу? Пчела просто ползет вверх внутри стебля к проделанному матерью отверстию, прогрызая по пути перегородки между ячейками. Мимо куколок и личинок своих сестер она ползет осторожно, не задевая их нежные тельца. Молодой пчеле не надо протискиваться сквозь принесенную матерью осмией липкую массу из меда и пыльцы, потому что к этому времени пища уже съедена личинками дочиста. Трудности возникнут только, если одно из яиц в верхних ячейках погибнет и заготовленный корм останется несъеденным. В этом случае нашей осмии не останется ничего другого, как прогрызть стебель сбоку.

Божьи коровки летом живут поодиночке, не обращая друг на друга внимания, но осенью многотысячными стаями слетаются в места зимовок. Никто толком не знает, почему эти жучки скапливаются среди сухой листвы в каком-то одном месте в несчетном количестве. Кругом точно такие места, кучи старой листвы, но коровки их избегают и летят, летят без конца, собираясь со всей округи к заветному месту, словно по какому-то единому для всех приказу.

Все ли зимующие насекомые погружены в глубокую зимнюю спячку? Чтобы проверить это, ученые из ГДР проделали интересный опыт. Перед началом зимы они врыли в лесную почву ловушки — стаканчики с незамерзающей жидкостью. Каждый стаканчик был снабжен длинной, торчащей вверх ручкой, так что его легко было вынуть из-под снега. Зимой по нескольку раз в месяц просматривали содержимое засыпанных снегом ловушек. К своему удивлению, ученые каждый раз обнаруживали в ловушках все новых и новых насекомых. Среди них были жучки, личинки разных насекомых, а чаще всего попадались мелкие черные мушки. Вывод мог быть только один: по крайней мере, часть насекомых не впадает в зимний сон и почти всю зиму ползает, роется, копошится, будто и нет зимы. Тайная, скрытая от человеческого глаза жизнь теплится под снежным одеялом. Особенно много насекомых попадало в ловушки в начале зимы, когда земля под снегом хранит еще достаточно летнего тепла.

Конечно, в местах, где температура постоянно ниже нуля, активная жизнь насекомых невозможна. В глубокий сон погружены личинки и куколки жуков и мух

под корой деревьев, в сухих стеблях, внутри прошлогодних былинок.

Но почему же холод не убивает насекомых? Если на улице плюс сорок градусов, такая же температура вскоре будет и у ползущего по дорожке жучка. Если температура в куче сухой листвы, давшей зимний приют бабочке-траурнице, упадет до минус четырех градусов, столько же покажет и поставленный бабочке под мышку термометр. Неужели же жидкости в теле насекомых замерзают, превращаются в лед?

И на этот вопрос ответят только факты. Ударьте в десятиградусный мороз топором по лежащему на улице полену. Не в первом, так во втором полене вы найдете спящую личинку жука-дровосека. Она будет неподвижной, но мягкой. Значит, и жидкость в ней не замерзла. Не замерзает она потому, что насекомое прекрасно подготовлено к зимовке. Как только лето пойдет на убыль, в тельце насекомого образуются толстые слои жира, а воды становится все меньше и меньше. Если бы в организме оставалась свободная вода, она бы замерзла при нуле градусов, и кристаллики льда разорвали бы нежнейшие ткани насекомого. Осенью на месте воды внутри тела насекомого вырабатывается глицерин — жидкость, не замерзающая даже в самые лютые холода. Вода остается в ничтожных количествах там, где она совершенно необходима. Молекулы такой воды прочно связаны сложными химическими связями с молекулами других веществ, поэтому температура замерзания ее гораздо ниже нуля. При очень сильном морозе — градусов в двадцать-тридцать — тело мягкой личинки насекомого твердеет, на ощупь будто стеклянное, но даже тогда смертельные ледяные иголочки не образуются в нем. Дыхание и кровообращение у зимующего насекомого едва прослеживаются, прикосновения оно не чувствует.

Устойчивость насекомых к холоду поразительна. Из зимующих куколок, выдержанных в холодильнике при минус девяносто градусов, выходят здоровые бабочки, а нежные белые личинки мух выживают после того, как их помещали в жидкий газ при температуре минус сто девяносто градусов!

Но возникает новый вопрос: откуда насекомые узнают о предстоящей зиме? Здесь не может быть единого ответа. Для одних сигналом служит приход холодных августовских ночей; другие чувствуют, как становятся короче дни; у третьих как бы установлены внутри невидимые часы, которые ведут счет жизни насекомого. Общее для всех только в одном: насекомые не знают, не думают о будущей зиме. Их организм сам, как бы автоматически, начинает выполнять все то, что нужно для зимовки.

И еще один вопрос, на этот раз последний: все ли насекомые имеют этот чудесный механизм? И снова позовем на помощь факты. Если разрыть зимой муравейник, в его толще мы не найдем ни одного муравья. Все они сбились в плотный клубок на полутораметровой глубине в особой зимовочной камере. На такой глубине земля никогда не промерзает. Рядом с муравейником старый пень, а в нем гнездо другого вида муравьев. Этих найти зимой нетрудно, надо только отколупнуть тоненький пласт коры. Температура под ним почти такая же, как снаружи, но муравьев это нимало не смущает. Когда проделали химический анализ, в теле муравьев из муравейника нашли ничтожное количество глицерина, а у муравьев из пня все ткани оказались буквально пропитаны этим веществом. Итак, одни виды муравьев спасаются от мороза, прячась в непромерзающие глубинные слои почвы, но сам организм почти не меняется; у других муравьев устойчивость к морозу приобретает сам организм.

Оба типа приспособления к зимовке можно найти не только у муравьев, но и у множества других насекомых. Большинство из них приспособило к холоду свой организм. Именно это позволило им проникнуть в Антарктику, где температура зимой то и дело падает до 50—60 градусов, а почва насквозь промерзает.

Могучая перестройка организма при подготовке к зиме и сама зимовка за долгие миллионы лет стали для многих насекомых необходимостью. Найдя осенью куколку бабочки, вы вносите ее в теплую комнату и ждете, когда насекомое вылупится. Но чаще всего ваши ожидания будут тщетными. Куколка должна пробыть на холоде месяц-другой. Закалка морозом необходима для ее успешного развития. Поэтому лучше оставить ее до Нового года в холодильнике или просто на улице, а потом внести в тепло. И в один прекрасный день в картонной коробке, где тихо покоилась куколка, развернет свои многоцветные крылья красавица бабочка.

В. Ковалев,
кандидат биологических наук

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

ОКТЯБРЬ

Осень набрала силу, разгулялась вовсю в лесных чертогах. Вот уж и вправду мастерица обряжать деревья в яркие краски. Но это последний лесной наряд. С каждым днем тускнеет он от злых ветробоев и нудных дождей.

Скоро злые утренники подточат последние расписные листья, и монотонным, грустным станет лес. А пока, стоит только проглянуть сквозь небесную хмарь солнцу, играет он легкими красками. Любуйся, запоминай на долгую зиму это пышное осеннее многоцветие.

Часто идут дожди, долгие, холодные. От луж раскисают, грязнеют проселочные дороги. Волны холода усыпляют природу. Никакие ласки кратковременной теплыни не сбивают ритма увядания и покоя.

Заторопились с листопадом клены и ясени, свалива нерукотворную красу. Тревожней зашумели круглые купы ветел: теперь и они уж позлащены снизу доверху. Ветловые листочки падают на темную гладь реки, покачиваясь средь легкой зыби. Шалый ветер морщит пруды и озера, посвистывает в чистом поле. И только затяжной дождь перебивает его мотивы, выстукивая дробь на жестяной крыше. Но вот дождь унялся, выглянуло солнышко: тишь да гладь. Недаром в народном календаре замечено: «Октябрь то плачет, то смеется». Либо дождь, либо солнцегрей.

Золотая осень под тусклым небом светится своим колером, оттого-то и кажется все вокруг цветасто, празднично.

Еще на пути к лесу повстречаешь и бабочку чертополоховку, и стайку дроздов, засевших на рябинах, и даже красногрудого снегиря-жулана. Прилетел на свою южную зимовку из тайги, вот и свыкается с новыми обстоятельствами. Из жухлых трав кое-где раздается треск кобылок-конников. Их летний звон знаком каждому.

В лесу закраснелись листья брусники, на зеленой стене бора оранжевым пятном проступила лиственница. Вблизи заметишь, что и сосна свою старую хвою будто окунула в охру. Прирост грибов упал, и разве что опята покучней соберутся. Зазябли на утренниках крепыши боровики, края шляпок опалены морозцем.

Золотом залиты дали. А маститая художница осень кладет зрелые мазки один за другим. Где побольше осин — удар червонной кисти посильней, березняки жалует померанцем. Без устали ходишь расписными чертогами, пока не накроет их холодная сетка дождя.

На опушках желтыми брызгами рассыпались одуванчики. Весной да осенью только и бывает эта травка пригожа, летом у одуванчика одни листья стругами торчат. Рядом пылают кремовые льнянки, а ближе к паровым полям — раскидистые сурепки и кирпично-красные молочаи. На выгоне сияют осенняя кульбаба да пастушья сумка. «Цветы последние милей роскошных первенцев полей», — вспоминаются пушкинские строки.

Боится заяц-беляк осенних звуков. Резвые ветры шуршат рыжей поземкой, вскруживая на стежках-дорожках листву, как теперь усидеть средь шумного леса! Вынесется серенький на простор полевой, затаится у кома земли, повернув голову к следу, и, считай, успокоился. А там и о кафтане зимнем пора призадуматься. До снега обыкновенно справляют зайцы одежду. А он того и гляди проспится из низких всклоченных облаков.

Зима забредает. Торопятся пушистые и пернатые, не застала бы врасплох седая чародейка! Приоделись белки, в справных шубках, и мороз нипочем. Голубой наряд есть, кисточки на ушах, гнезда утеплены, запасы по дуплам припрятаны — им ли, белкам, бояться стужи! А бобрам и вовсе тужить нечего. Хатки поправлены, лесины разделены на чурки

Рис. И. Кошкарева
Фото К. Руиля
и А. Чиркова

и подтоплены ко дну, подпор плотины упрочен — попробуй пройми их, зима! Любо наблюдать спешку сборов к зиме в угодьях этого сановитого зверя.

Не отстают от зверей птицы. У глухарей, тетеревов и рябчиков на пальцах обнова — роговая бахрома. Поможет им крепче держаться на обледенелых сучках. У одной сороки будто бы забот нет: по-прежнему весела и болтлива. Но и она теперь норовит смекнуть, как зиму перемочь. На всякий случай подалась поближе к жилью. Кричит на задворках села, словно коробком спичек трясет.

Укорачиваются дни, заметно длиннеют ночи. «Осенние ночи до снега темны» — наставляет пословица. При снеге, стало быть, и ночи посветлеют. А пока, в листопадную пору, от сумерек до рассвета темным-темно. Глубокая осень на дворе.

В праздничный убор оделись под моим окном рябины. Теперь любой ветер для них словно разбойник. Мнет, срывает осеннюю красу, выкладывая на дорожке сада узорчатую мозаику опавших листьев. Под солнцем рябины горят, как неведомые воздушные шары. Только на беду лопнула, потрескалась их оболочка, обнажив серый каркас. А набегут тучи, стряхнут деревья крупные капли, и тогда по крыше веранды прокатится глухая прерывистая дробь.

Вот и сегодня с утра зарядил дождь. Сначала казалось, надолго. Но бойкий верховик споро разогнал небесную хмарь, заиграло солнце.

Что ж, пора выходить в сад кормить давнишнего друга. Только ступил я на крыльцо, не успел еще хлеб размять как следует, он уж тут как тут. Завертелся, заюлил на дорожке, взъерошенный, сердитый, будто после драки.

«Держи, Кешка!» Я бросил сизарю пригоршню хлебных крошек. Они рассыпались веером, озадачив голубя: с какого края приниматься?

Много раз кормил я этих птиц и всегда поражался их неповоротливости. Пока приглядятся да выберут кусочек получше, юркие воробьи все утащат на ветви деревьев. На Кешкино счастье, этих пронир поблизости не было, и, поразмыслив немного, он принялся за угощение.

Подружился я с Кешкой вот при каких обстоятельствах.

Несколько лет назад под крышей внутри открытой веранды свили себе гнездо сизари. Мы не обращали на них внимания, пусть себе возятся, да и не очень уж досаждали они домашним. Заявляли о себе лишь в то время, когда раздавался вдруг вверху дружный писк птенцов. Так все и шло до нынешнего лета.

В этот год я задержался в городе и приехал на дачу, когда отцветали липы, а на приречном лугу высились первые копны сена. К дому шел задами по жаркой тропе заросшего пустыря. Срывал красные броши репейников, вдыхал горьковато-пряный запах полыни, а в зарослях крапивы так острекался, что невольно прибавил шагу. Руки саднило, хоть беги. Второпях влетел я с черного крыльца на кухню, чтобы смазать волдыри подсолнечным маслом, и остановился в изумлении, позабыв все мимолетные горести.

Бабушка, гремя ухватами, стряпала у печки и с кем-то разговаривала. А вот с кем, я долго не мог понять. Потом уже разглядел на столе у раскрытого окна обыкновенного голубя. Испугавшись меня, он вспорхнул, но полетел не в окно, а в дверь на веранду. Собственно, никакой двери там уже не было — висела лишь, загораживая полпроема, полотняная штора.

Охая и причитая, бабушка врачевала меня и все вопросы о голубе оставляла без внимания: погоди, мол, не время пока. Это «не время» слишком затянулось. Только после долгих разговоров про городские новости, про внуков и внучат и, конечно, про суету и тесноту электричек наконец-то заговорила она о голубях. Тогда-то я узнал все.

Не помню, кому первому пришла мысль застеклить веранду и как долго шли споры, украсит ли ее стеклянный наряд дом,

но решение такое было принято. С работой управились в два дня, совсем забыв про голубей — не до них было в суматохе.

На другой день за закрытой дверью веранды послышалась странная возня. Будто кто-то нарочно взрывал елочные хлопушки. Пришлось открыть дверь. И тогда, словно ошпаренный, выскочил из нее голубь и мигом скрылся в окне. Тем же путем вскоре вернулся он обратно. У сизарей вывелись птенцы, вот почему так торопился глава семейства.

С тех пор дверь сняли с петель, и взрослые голуби стали постоянными гостями на кухне. Бабушка прикармливала их, рассыпая на столе коноплю, хлебные крошки или пшеницу. Потом догадались врезать форточку на веранде, пролеты голубей через кухню прекратились, но в час обеда всегда появлялись они, причем так точно, хоть часы сверяй. Вот какая вышла история.

Я тоже подружился с голубями. Правда, голубка меня не признавала, но глава семейства позволял даже дотрагиваться рукой до крыльев. Когда голубь слишком засиживался в гостях, бабушка ворчала и сгоняла его со стола, приговаривая: «Кеш, кеш, негодник!» Поэтому и назвал я своего знакомца Кешкой.

Вот он теперь серьезно склевывает крошки. Давно повзрослели птенцы, голуби покинули веранду, только Кешка навещает меня. Поселятся ли сизари на старом месте будущей весной, не знаю, но мне хочется, чтоб поселились. Дверь всегда открыта.

Ю. Шашкин

На юге страны еще тепло и сухо. Лист с деревьев не падает, хотя видно, как поблек и застарел. Но уже осень тут давно одаряет плодами. Даже каштан плодоносит. Колючие футляры-плюски сами раскрываются от удара о землю, вываливая в траву блестящие коричневые орехи. Это чрезвычайно ценный и питательный продукт! Собирай каштановые орехи, они никогда в доме не помешают.

Ядра каштана мучнисты, сахаристы, богаты маслом и витаминами. Сырыми каштанами редко кто лакомится, зато вареные и жареные — желаннейшие блюда южан. А каковы засахаренные да глазированные каштаны, знают не только сладкоежки! Впрочем, марципан, обсыпанный орехами, известен ребятам еще больше. Каштанами начиняют птицу, чтоб вкусней была, их охотно добавляют в жирный плов. Интересно, что есть страны, где из смолотых каштанов пекут хлеб и даже варят кофе.

Живет дерево долго-долго, иногда пятьсот и более лет. На Кавказе встречаются настоящие каштаны-богатыри: до 45 метров высотой и в два-три обхвата на уровне груди. Веками они радуют больших и маленьких, щедро раздавая всем вкусные орехи. Кстати, древесина каштана исключительной прочности и красоты. Краснодеревщики делают из нее великолепную мебель, а бондари сбивают крепкие бочки. Кроме Кавказа, каштаны встречаются также в Крыму, Молдавии и на Украине.

А как быть с так называемым конским каштаном, что завезен в северные города и поселки? Да, он тоже плодоносит, но его орехи несъедобны. Во все сезоны года украшают такие деревья сады и парки. Весной они рано распускают крупные резные листья, а потом цветут; летом их тень и спокойный шелест листвы радует горожан; ну а осенью, когда с треском полетят под крону шиповатые плоды, каждый блестящий орешек для натуралиста — отличный сувенир. Зимой конский каштан остановит прохожего видом могучих ветвей и необыкновенно толстыми почками. Охраняй эти деревья, где бы они ни росли, пусть каштаны навсегда останутся щедрыми и роскошными.

Как ни тянутся вверх прибрежные ивняки, а лианы хмеля оказываются еще выше. Крепко обвивают они стволы и сучья, повсюду развешивая зеленые флажки листьев. И не старайся легко через хмельник пройти, будто настоящие джунгли окружают. А тут еще крапива жжется, возвышаясь стена стеной.

И все же в хмельник стоит наведаться осенней порой. Ведь там целебные шишки свисают! Рви их для зеленой аптеки, запасай! Только бери не старые, набитые орешками, а те, что помоложе да посвежей. Именно они-то и пригодятся для лечебных целей. Настоем на шишках хмеля вызывают аппетит и улучшают пищеварение, им же облегчают недуги при воспалении мочевого пузыря и печени. Помогает дикий хмель и пересилить бессонницу. Стакан теплого настоя этой травы снимает нервное перенапряжение, возвращает человеку сон.

Какие же чудодейственные вещества содержатся в диком хмеле? Помимо эфирного масла, горечи, смол, фитонцидов и красителей, шишки хмеля дают еще порошок лупулин. Это не что иное, как высохшие желтоватые железки, которыми снабжены основания чешуй. Лупулин, или хмелевая мука, весьма сильного действия, вот почему при бессоннице назначают этого порошка всего 0,2 грамма на прием. Мазями из хмелевой муки унимают боль при ушибах и ревматизме.

Широко применяют хмель и пивовары. Нежные весенние побеги этой травы отваривают и едят, как спаржу. Молодые листья могут заменять капусту для щей. Даже стебли хмеля небесполезны: их луб пригоден для изготовления веревок и мешковины. Что касается цветков, то они издавна ценятся красильщиками — красят ими материю.

Хмель — многолетняя вьющаяся трава. Ее стебель достигает в длину пяти метров. Наземная часть растения отмирает каждый год. Селится хмель в лесистых долинах рек, по оврагам и кустарникам. Предпочитает перегнойные, влажные почвы.

Донники — поселенцы лугов, бросовых земель и старых залежей — принадлежат к семейству бобовых. Их род включает до 20 видов, из которых 12 встречаются в пределах нашей страны. Наиболее часто попадаются у нас желтый, белый, душистый, высокий, зубчатый и волжский донники. С остальными видами встречи редки, да и в хозяйстве они используются меньше.

Все донники отлично переносят засуху, почти не поражаются болезнями и вредителями, мало угнетаются избытком солей в почве. Поэтому-то они пышно растут не только на черноземах, где соперничают с самими злаками, но и на солонцах. Даже сухая засоленная пустыня дает неплохой выход донникового сена.

Самый распространенный у нас — донник белый, который встречается повсеместно, кроме тундры и альпийских лугов. Растение это двулетнее — семена созревают на второй год. Неприученный скот сначала отказывается есть белый донник, поскольку ароматическое вещество кумарин придает ему сильный запах и горький привкус. Но через два-три дня привыкает к нему и поедает донник весьма охотно.

На сено донник скашивают до цветения, иначе он чрезмерно обогатится кумарином, да и стебли его загрубеют, деревянистыми станут. В прокосах донник только провяливают, досушка идет в валках и небольших копнах. В первый год жизни донник скашивают на высоте десяти, а на второй год — на высоте двадцати сантиметров от земли: надо оставить на стебле два-три междоузлия, чтобы растение выгнало густую надземную массу для повторного укоса. Интересно, что на полях донник может появиться как сорняк и лет через пять после сева. Разгадка кроется в особенности его семян: часть из них твердокаменная, с затяжным прорастанием. А вообще-то всхожесть семян донника сохраняется 70 лет. Вот и получается — когда в поле о доннике и помину нет, он вдруг появляется, к досаде земледельцев.

Великолепное растение — донник. Ни одно пчелиное угодье не обходится без разлива его цветков. Ведь на гектаре посева этих цветков в общей сложности почти два миллиарда. Все лето берут с него взяток пчелы, заметно утяжеляя улья светлым душистым медом. А осенью донник цветет вторично, и крылатые труженики опять с ним не расстаются вплоть до октября.

Народные названия белого донника: белый буркун, каменица, кропило, гуньба. Цветы и листья этого донника когда-то применяли при простудах и лихорадке, а мазями, приготовленными в смеси с топленым коровьим маслом, залечивали порезы.

Желтому доннику не зря достался символ «лекарственный». Целебные свойства его открыты чрезвычайно давно. Собственно, «донник» происходит от «донной» — древнего названия подагры.

Собирают желтый донник в пору цветения. Время сбора — солнечное утро. Срывают только цветочные кисти и верхушки растения с листьями и ветками. Собранное сушат на открытом воздухе в тени. После сушки сбор перетирают, затем просеивают сквозь сито. Запах сушеной смеси сильный, душистый, напоминает свежее сено.

ЗАГАДОЧНЫЙ МАТЕРИК

Семнадцать лет подряд, с 1956 года, на берегах Антарктиды несут научную вахту советские исследователи. Свыше двадцати научно-исследовательских станций постоянно работает на шестом континенте. В изучении природы далекого материка принимают участие двенадцать стран, подписавших в 1959 году договор об Антарктике. Согласно основным положениям договора этот ледяной материк считается мирной безатомной зоной. Его площадь и ресурсы не могут быть использованы в военных интересах. Охрана природы Антарктики с ее своеобразной фауной нашла отражение в одном из разделов договора. Весь материк и окружающие его воды превращены в заповедник.

Заключение договора о шестом континенте является важной победой дела мира. Научные исследования проводятся здесь в атмосфере дружбы, сотрудничества и взаимопомощи ученых всех стран с различным общественным и политическим строем.

Постепенно Антарктида теряет свой ореол загадочности и таинственности и становится немного будничной и обычной. Уже написано много очерков и книг об этом континенте, мы узнали о нем за последние годы гораздо больше, чем за всю предыдущую историю его исследования. И все-таки природа Антарктиды продолжает волновать воображение ученых, она неохотно делится своими тайнами. Много серьезных научных проблем остаются нерешенными.

На самом донышке глобуса, на противоположном конце планеты раскинулось огромное ледяное царство. По площади оно больше Европы и почти вдвое больше Австралии. Антарктида раскинулась на 16,4 миллиона квадратных километрах. Это высочайший материк земного шара. Его средняя высота достигает 2040 метров. Большая его часть, возвышающаяся над уровнем океана, состоит из льда, который образовался из атмосферных осадков. На некоторых участках побережья длинными языками лед сползает в океан. Тысячетонные куски ледяной брони материка с грохотом обрушиваются в воду, образуя плавучие ледяные острова — айсберги, преграждающие подступы к Антарктиде.

Какого же цвета может быть лед? Конечно, вы скажете: голубой, зеленый, белый или совсем прозрачный, как стекло. И я так думал до тех пор, пока не увидел, как плывет по морю айсберг, огромный-преогромный. Такой большой, что трудно поверить своим глазам. Сверху его, как средневековый замок, украшают многочисленные башенки с бойницами. Внизу темнеют своды полукруглых арок, выбитых волнами. Некоторые из этих арок сквозные, а над ними пучками свисают ослепительно сверкающие ледяные стрелы-сосульки. Мерно покачиваясь, рассекает великан айсберг свинцовые волны, облака брызг взлетают у его подножья, и над плоской вершиной кружатся буревестники.

Самое же удивительное, что весь айсберг разноцветный. Вершина горит золотисто-оранжевым пламенем, ниже идет полоса нежно-лимонного цвета, переходящего в светло-зеленый. Мрачными фиолетовыми глазницами зияют пещеры у основания. Один бок кажется темно-коричневым, другой полосатым, как зебра. Отвесными стенками уходят в морскую пучину крутые бока. Но вот айсберг приближается к кораблю, и краски постепенно блекнут. Причудливая игра солнечного света и тени прекращается, исчезают яркие блики, и только бока остаются полосатыми.

Полосы эти совсем другого происхождения, с ними айсберг родился. Когда он десятки, а может быть, сотни лет полз по крутому каменистому склону к океану, обдирая бока об острые скалы, тогда и появились на нем темно-бурые полосы из песка и камней. Наконец айсберг добрался до берега, нырнул в студеные воды, охладившие его израненные бока.

Злые колючие ветры гонят его все дальше и дальше в теплые воды. Худеет великан по дороге, и когда-нибудь от всего его величия останется крошечный ледяной обломок, на который присядет отдохнуть уставшая от долгих скитаний над морем чайка.

Снег в Антарктиде тоже необычный. Могучий поток холодного воздуха, который несется от центра материка к побережью, поднимает целые тучи снежной пыли. В сухом морозном воздухе эта пыль еще больше размельчается. От нее невозможно спастись. Покрывая лицо, она мгновенно образует толстую ледяную корку. Застегнутые карманы оказываются доверху наполненными снегом, а за плотно прикрытой дверью за ночь вырастает большой сугроб. От мороза и ветра снег уплотняется и становится таким крепким, что звенит под ногами. Даже металлическая лопата не берет его, приходится пилить пилой. Летом ручейки талой воды просачиваются в толщу снега, превращая его в ледяные шарики различного размера. Это уже не снег, а фирн, идти по которому хуже, чем по песчаным барханам: ноги вязнут и скользят.

Иногда в Антарктиде происходят странные и непонятные на первый взгляд вещи.

Однажды в ясную морозную ночь, когда ветер не шелохнет обвисший на антенне флаг и воздух кажется холодной жидкостью, постепенно заполняющей легкие, вы выходите из домика. Все замерло, все сковано семидесятиградусным морозом. Кажется, жизнь на Земле застыла навсегда. И вдруг что-то зашуршало над головой, зашелестело. Звук этот, замирая, умчался в высоту. Вы насторожились, на миг все стихло, но снова тот же непонятный шепот прозвучал в небе, на котором только яркие незнакомые звезды мерцают да подмигивают друг другу. Кажется, что они шепчут уснувшей Земле нежные ласковые слова. Явление так и названо: «шепот звезд». Его не раз слышали полярники, зимующие на внутриконтинентальных станциях, где морозы достигают 70—80 градусов.

На таком морозе водяные пары, находящиеся в воздухе, выдыхаемом человеком, почти мгновенно превращаются в ледяные кристаллы. Сталкиваясь между собой, они начинают шуршать. Многократно усиленные в абсолютной тишине звуки действительно напоминают громкий шепот, откуда и возникло такое поэтическое название.

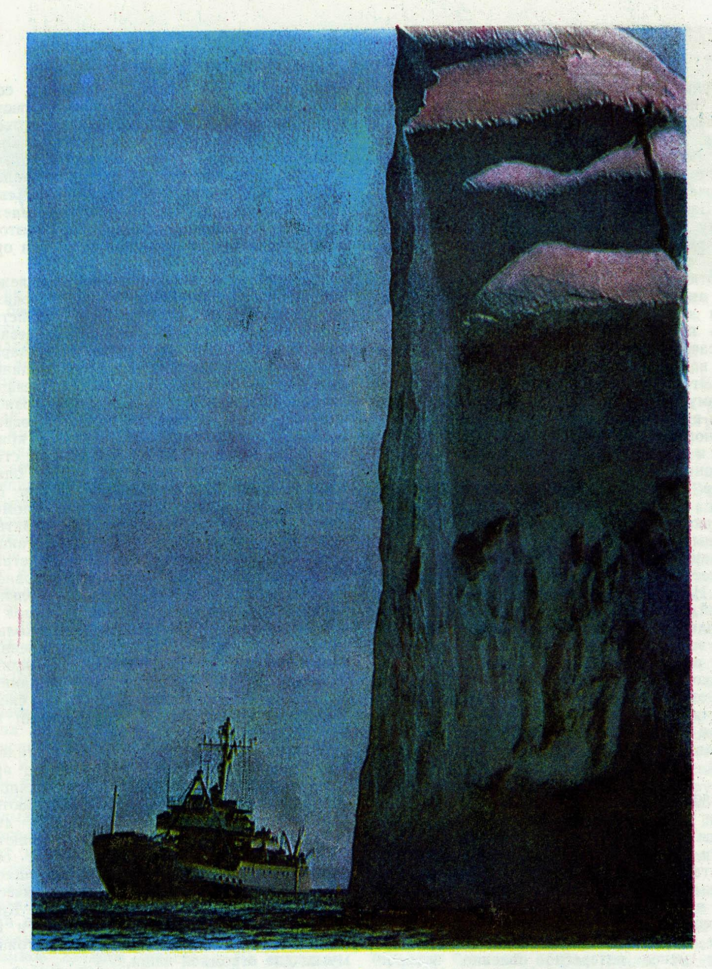
Не менее интересно явление, которое получило название «белая мгла». Во время белой мглы небо затягивается вначале прозрачной пеленой тонких облаков. Вскоре эта пелена превращается в сплошное плотное покрывало, и тень, падающая на снег от самолета, пропадает. Летчики называют полет в таких условиях «полетом в шарике для пинг-понга». Штурман теряет ориентировку и не может определить координаты. Густая белая мгла, словно вата, окутывает ослепший самолет. Она не раз служила причиной аварии самолетов в Антарктиде. Не менее опасна белая мгла и для вездеходов, особенно если они движутся по льду, где встречаются глубокие трещины, или вблизи берегового обрыва. Природа этого явления такова: неплотная, мало насыщенная водяными парами облачность почти не поглощает проходящий через нее солнечный свет. Яркость снега и облаков воспринимается глазом совершенно одинаково, поэтому сразу теряется чувство перспективы и ориентировка.

Так как снег в сильные морозы лежит плотным и толстым слоем, у него появляются необычные акустические свойства, прозванные «голосом снега». Интересный случай произошел на станции Лазарев. Все зимовщики собрались в кают-компании, не хватало только радиста. Внезапно дверь распахнулась, и в клубах морозного пара появился радист, явно чем-то взволнованный. «Я только что слышал крики о помощи!» — сказал он. Начальник станции быстро подсчитал людей — все оказались на месте. Вокруг в радиусе нескольких сотен километров в это время года не могло оказаться ни одного человека. Ближайшая станция находилась в четырехстах километрах. «Наверное, от долгой зимовки и нервного напряжения у человека начались галлюцинации», — подумал начальник и вышел из кают-компании. Пройдя всего несколько шагов, он ясно услышал приглушенный крик, жалобно прозвучавший в тишине. Голосом снега прозвали этот странный звук, возникающий при ходьбе по снегу. Попросту говоря, это снежный скрип необычной тональности и тембра.

Широко распространены в Антарктиде и так называемые верхние миражи, во время которых форма и размеры находящихся на поверхности предметов искажаются. Они могут увеличиться в высоту в двatри раза и довольно часто оказываются перевернутыми. Одновременно вдруг становятся видимыми предметы, находящиеся на очень больших расстояниях, фактически за пределами человеческого зрения. Края горизонта как бы приподнимаются, и наблюдатель уподобляется человеку, стоящему на дне огромной чаши.

В отношении геологического прошлого Антарктиды многие ученые пришли к единому выводу: некогда материк Антарктиды был частью огромного материка Гондваны.

Что касается полезных ископаемых Антарктиды, то, пожалуй, почти все встречающиеся на Земле в том или ином количестве имеются на шестом континенте. Некоторые из них используются прямо на месте — например, каменный уголь. В пластах каменного угля находят отпечатки представителей древней флоры и фауны, близкие тем, которые населяли со-

седние материки, что служит еще одним доказательством единства материков в далеком прошлом.

В последние годы на помощь ученым в исследовании Антарктиды приходит сложная современная техника. В небе южного полушария совершают орбитальные полеты метеорологические спутники, дающие богатейший научный материал. Полученные со спутников фотоснимки позволяют уточнить форму и размеры материка, характер его береговой черты, строение и границы облачного и ледяного покровов. На этих снимках хорошо видны многочисленные циклоны, устремляющиеся к Антарктиде с севера. Чуткие уши радиолокаторов прослушивают ледяной панцирь материка и атмосферу над ним. Теперь метеорологу не нужно по нескольку раз в сутки выходить из домика на метеорологическую площадку — все необходимые наблюдения произведут за него умные автоматы.

Но по-прежнему сурова и коварна природа Антарктиды. Сурова и прекрасна.

И. Цигельницкий

ИКЭБАНА

Фото М. Мезенцева

Только в Японии существует уникальный и очень древний вид искусства, который называется икэбана. Наиболее точный перевод этого слова — «помочь цветам проявить себя». В широком же понимании икэбана — создание художественных композиций из живых цветов и различных декоративных материалов: листьев, стеблей, веток, корней, камней, раковин, перьев птиц.

Такая композиция в обиходе тоже называется икэбаной.

В настоящее время искусство это является национальной гордостью японского народа, одной из его красивейших традиций.

Следы его уходят далеко в века, к временам появления буддизма на Японских островах. Перед статуей Будды в храмах ставились тогда огромные пышные букеты из живых цветов, веток и различных трав. Этот обряд рассматривался как жертвоприношение. Со временем символические букеты начали появляться сначала в домах знати, а затем и в каждой японской семье.

Они не были такими огромными и пышными, как в буддийских храмах, но три ветки либо три цветка, символизирующие небо, человека и Землю, являлись неотъемлемой частью каждой композиции.

Как в далеком прошлом, так и по се-

годишний день эти букеты украшают самое главное и почетное место в доме, котор носит название «токонома».

В японских общеобразовательных школах икэна преподается наравне с живописью и каллиграфией, так что с детских лет ребята овладевают секретами мастерства, приобщась к миру прекрасного.

В Японии много различных направлений икэны, среди которых три школы: икэнобо, хара и согэцу — признаются всеми как самые главные.

Сэцу родилась в 1926 году, создателем считается Софу Тэсигахара.

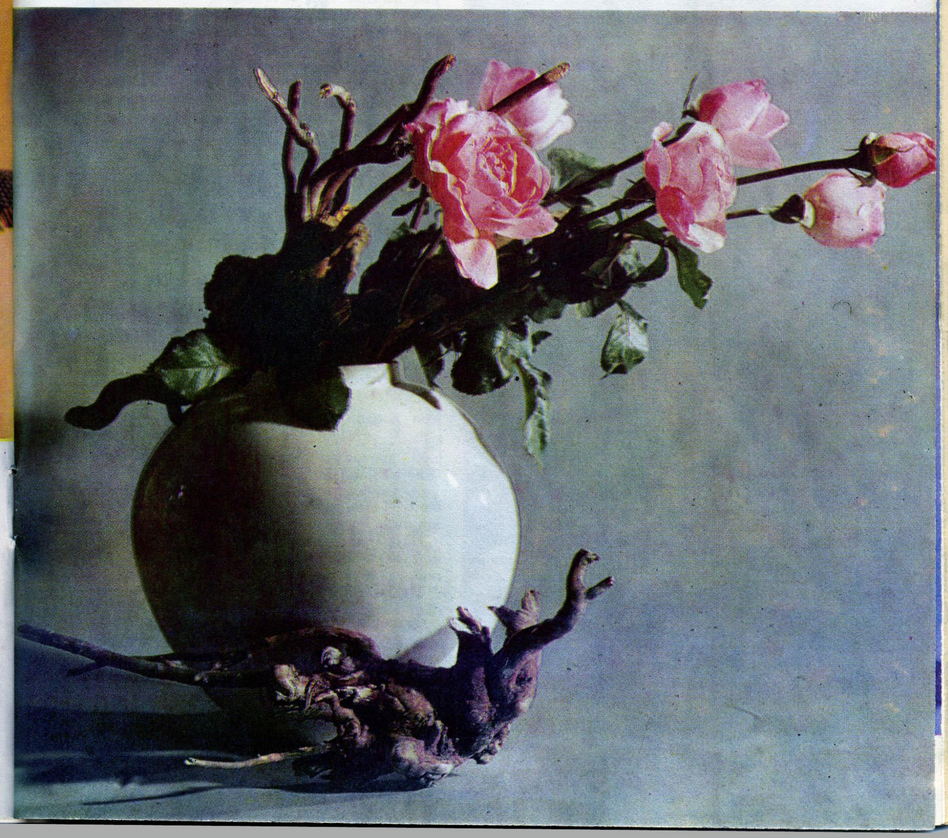
Основные принципы этой школы на первый взгляд просты: композиции могут быть оформлены кем угодно (раньше их разрешали делать только мужчинам); цветочное оформление может быть сделано где угодно (в закрытом помещении либо на площадках и в парках); выбор материала для оформления неограничен — используют все, лишь бы было красиво.

Почти в каждой композиции основу составляют три элемента — три цветка либо три ветки.

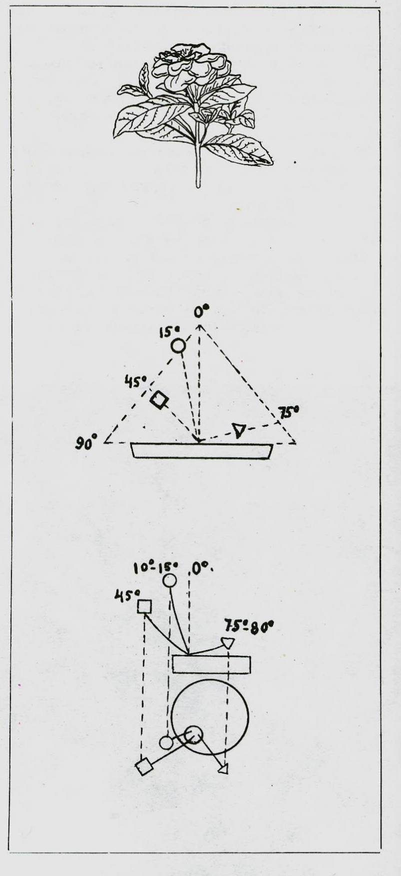
Первая ветка, обязательно самая длинная, по-японски — син, символ неба. Вторая — средняя по величине (соэ) — символ человека. Третья — самая маленькая (хикаэ) — символ Земли.

К этим трем основным элементам букета, как бы составляющим его скелет, по мере надобности добавляют второстепенные, вспомогательные элементы композиции. Японцы называют их «дзюси», что в переводе означает «помощники».

Их задача — зрительно усилить тот или

иной основной элемент букета. И если син, соэ и хикаэ составляют его скелет, то дзюси — мясо, как говорят японцы.

От чего же зависит длина скелетных веток?

Величина первой всегда связана с размером сосуда, длина других находится в строгой пропорциональной зависимости по отношению друг к другу.

Размер же любого сосуда, в который необходимо поставить икэбану, определяется сложением его высоты и наибольшего диаметра.

В вазу можно поставить большую, среднюю (стандартную) и маленькую композиции.

В большой первая ветка равняется двойной величине вазы, в средней — полуторной, а в маленькой тождественна ей.

После того как определили величину первой ветки, устанавливается длина других веток, которые строго зависят от первой.

Вторая ветка (соэ) во всех случаях должна быть на четверть короче первой, а третья (хикаэ) — на четверть короче второй. Длина второстепенных веток (дзюси) всегда короче основных веток, к которым они ставятся.

Главное назначение дзюси — зрительно усилить основные элементы композиции, поэтому они ставятся из того же материала, что и скелетная ветка. Правда, из этого правила часто делаются исключения. Дзюси могут ставиться к любой скелетной ветке, к одной из них, к двум либо ко всем трем. Причем к каждой скелетной ветке можно поставить любое количество помощников, лишь бы было красиво. Только следует помнить, что по месту расположения они всегда тяготеют к своему хозяину, а по длине ниже его ровно на четверть. Кроме того, каждый последующий помощник также на четверть ниже предыдущего.

В японской оранжировке огромное значение придается углу наклона составляющих его элементов. В школе согэцу есть вертикальная и наклонная расстановки. Они основные.

Конечно же, существует еще восемь различных вариантов к каждой из этих основных расстановок и, наконец, неисчислимое количество свободных форм.

Угол наклона основных элементов композиции считается самым трудным для начинающих. Посмотрите, как должны быть расставлены скелетные ветки.

Вертикальная линия всей композиции принимается за 0 градусов, а горизонтальная линия букета — 90 градусов.

Отсчет угла наклона веток проводят от основной вертикальной линии в ту или другую сторону.

Прежде чем ставить элементы композиции, надо в вазе или тарелке выбрать место для своеобразного держателя — кензана. Обычно его располагают в одном из четырех углов.

Разберем для примера основную вертикальную расстановку.

Верхний рисунок изображает композицию в фас, а нижний — ее план.

Первая ветка идет налево и вперед под углом 10—15 градусов.

Вторая ветка — налево и вперед под углом 45 градусов впереди первой ветки. Третья ветка — направо и вперед под углом 75—80 градусов.

После того как поставлены основные элементы композиции, приступают к установке помощников.

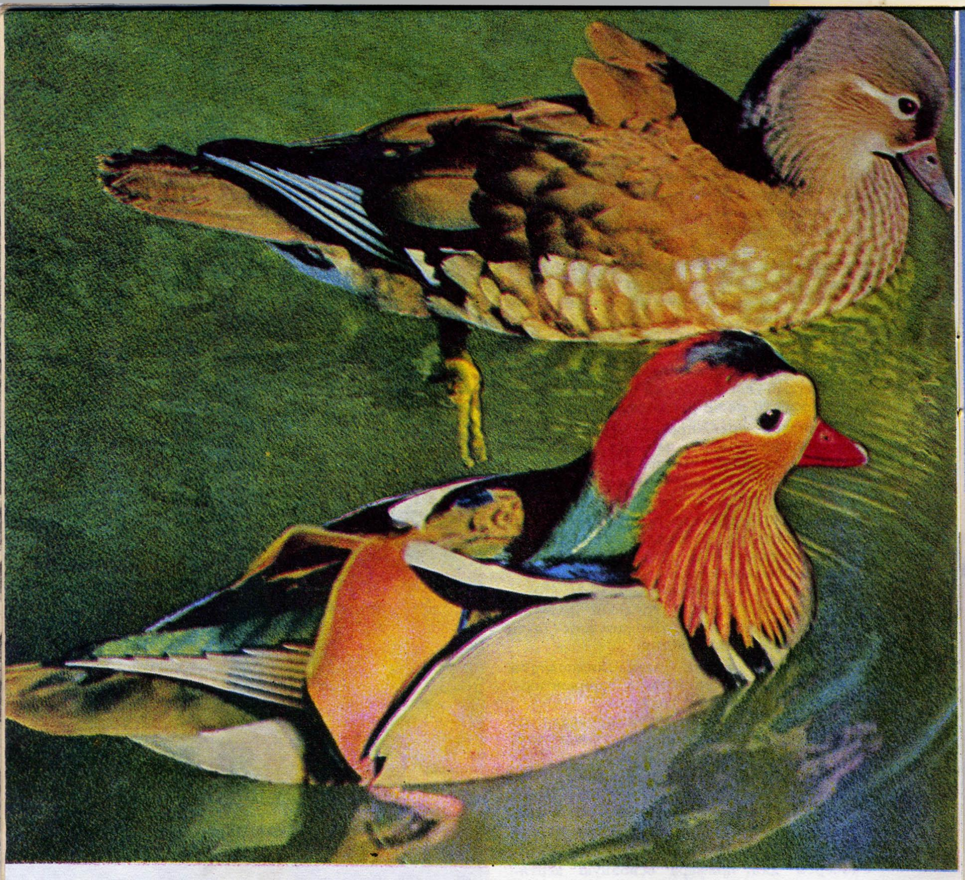
Один помощник к первой ветке ставим перед ней, другой между первой и второй ветками. Третья скелетная ветка, символизирующая Землю, как правило, цветок, и в качестве помощника к ней также ставятся цветы. Причем один сильно наклоняют вперед, чтобы закрыть кензан, а второй ставят позади хозяина.

Некоторым кажется, что искусство икэбаны можно освоить за один день, но это, конечно, не так.

Не следует огорчаться, если первые шаги в оранжировке будут неуверенными, часы занятий этим великолепным искусством доставят каждому истинную радость.

Н. Наумова

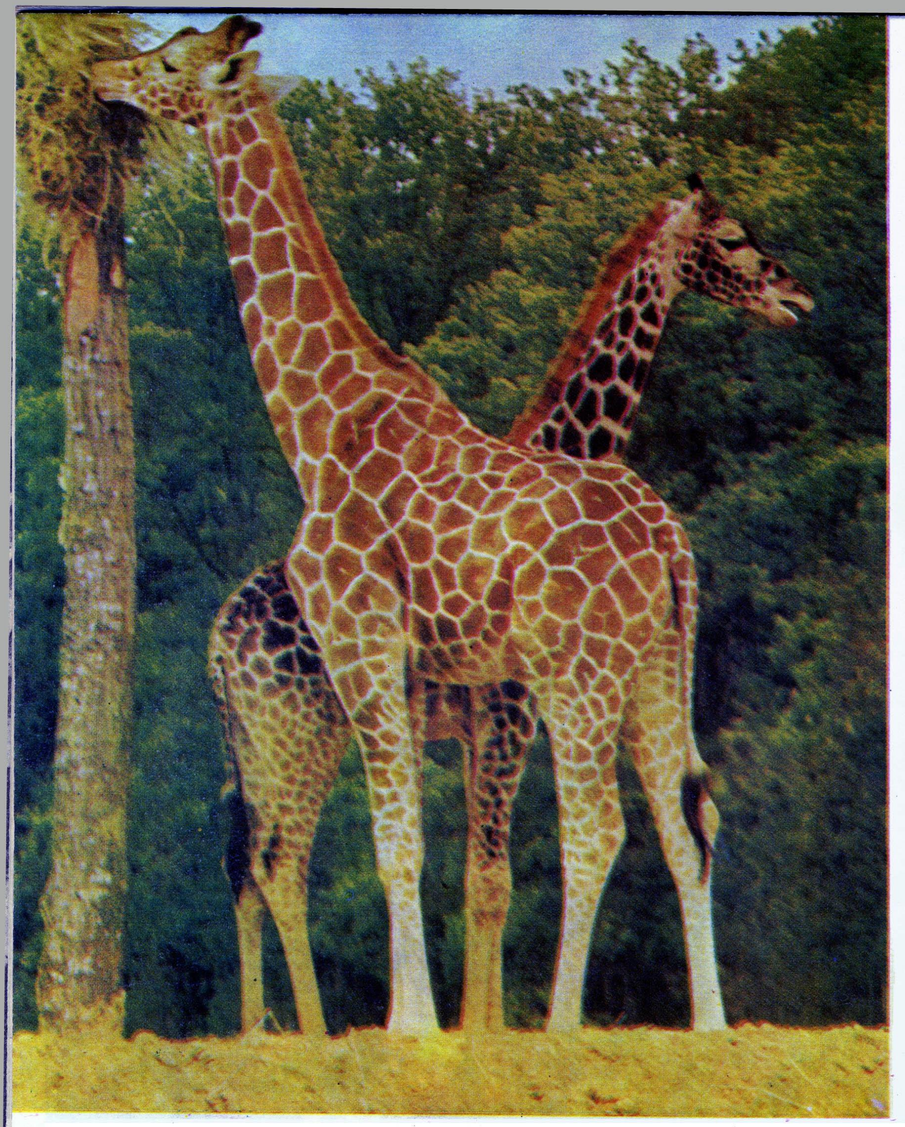

ДРЕВЕСНАЯ УТКА

На глухих узких протоках, лесных небольших озерах и речных затонах Дальнего Востока и Южного Сахалина, где густой лес на островах дает много тени и почва почти без травы, гнездится самая красивая утка земного шара — мандаринка. Особенно красив, как это и полагается в утином мире, самец. Самка оперена более скромно. Мандаринка — птица лесная, она меньше связана с водой, чем другие утки, она уверенно садится на ветви деревьев, легко бегает по наклонным стволам и даже по карнизам крутых обрывов скал. Гнездится, как правило, в дуплах деревьев на высоте до 15 метров, откладывая до 12 яиц. Выведшиеся утята сами выпрыгивают из дупла, иногда их переносит утка в своих лапках.

Жизнь мандаринок протекает на берегах водоемов, среди подмытых корней деревьев, в тенистых зарослях лесной чащи. Разрывая клювом отсыревшую гнилую листву, мандаринки находят и едят моллюсков, слизней и улиток, насекомых и опавшие желуди, не брезгуют дохлыми и живыми лягушками и погибшей икрой, отложенной рыбами в половодье на высоких местах берега. При опасности мандаринки не взлетают и не ныряют, как другие утки, а убегают! Бегают утки проворно и ловко даже в густом буреломе, забиваясь под корни деревьев, валежник, скрываясь в норах зверей, хотя они и отличные летуны. Мандаринки, как настоящие лесные птицы, легко лавируют при полете между деревьями густого леса, редко поднимаясь выше крон.

Кроме СССР, мандаринки живут в Японии, Северном и Среднем Китае, куда и наши мандаринки улетают на зимовку.

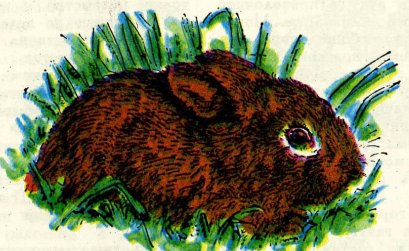

ЖИРАФ

Жираф и окапи среди млекопитающих едва ли не самые молчаливые. Жирафа вообще считают немым животным. Однако это мнение ошибочно: жираф просто исключительно молчалив. Некоторым ученым не раз удавалось слышать его хрюканье — именно настоящее голосовое хрюканье, а не просто фырканье.

Очевидно, звуки, издаваемые жирафом, можно изобразить по-разному, их передают как хрюканье, хрипенье, «громкое полоскание горла», но ближе всего голос жирафа напоминает звук, издаваемый ослом, когда он только начинает кричать и тянет воздух в себя.

В ПОИСКАХ

ТЕПОРИНГО

Довольно скоро мы убедились, что в траве закатон очень трудно охотиться. Высокая, почти с метр, золотисто-желтая, она покрывает мягкую черную вулканическую почву массивными кочками. В этой земле кролики роют длинные извилистые норы. Под сенью стеблей они протаптывают сеть тропок, похожих на туннели. Едят теподинго как молодую, так и старую траву. Мы видели много кочек закатон, которые были похожи на подстриженный газон, только по краям свисали нетронутые стебли.

По склонам Попокатепетля мы не спеша поднялись на машине на высоту около трех тысяч метров, пристально вглядываясь, не покажутся ли где-нибудь зверьки. Правда, глядели без особой надежды, ведь было очевидно, что гул мотора должен загнать кроликов в их норы. И что же вы думаете? За очередным поворотом я, к величайшему своему удивлению, увидел теворинго, который сидел на кочке закатон, напоминая караульного.

Взвизгнули тормоза, а теворинго знай себе сидит на траве, не обращая на нас никакого внимания. Нас разделяло от силы десять метров, тем не менее я вооружился биноклем и принялся жадно рассматривать зверька. Размерами он не уступал голландскому домашнему кролику или тучной морской свинке. Маленькие округлые ушки плотно прилегали к голове, сразу и не увидишь, а хвоста я вовсе не разглядел. Окраска преимущественно коричневая, с белыми колечками вокруг глаз; в лучах солнца мех отливал зеленью.

Как только я убедился, что это в самом деле то животное, ради которого было проделано такое долгое путешествие, мы дружно покинули машину. Теворинго пискнул, словно кто-то провел влажным пальцем по воздушному шарику, только звук был более пронзительным, подскочил прямо вверх, приземлился на той же кочке, оттолкнулся от нее, как от трамплина, и нырнул в гущу травы.

Тотчас мы приступили к работе. Обнесли участок сетью и принялись осматривать каждую кочку, чтобы закупорить все выходы из норы кролика. После чего стали раскапывать тот ход, куда он, как нам показалось, убежал. Мы не привыкли трудиться на такой высоте, и от малейшего усилия у нас начиналась одышка. Казалось, простейшее дело — растянуть сеть, а мы дышали, словно загнанные клячи. Копать нам было, мягко выражаясь, нелегко. Вскоре мы бросили лопаты, предоставив продолжать раскопки трем местным охотникам, которые как ни в чем не бывало орудовали лопатами: их высота не смущала. Через некоторое время они набросали уже целую гору рыхлой, словно пудра, черной вулканической земли, однако теворинго не показывался. Ясно: мы прозевали какой-нибудь боковой ход, и зверек ушел.

Пять раз повторялась эта процедура и пять раз впустую. Наконец нам повезло. Один из охотников вдруг издал непонятный отрывистый звук, упал на колени, погрузил руки в черный зев и извлек оттуда молодого вулканического кролика. Сделав тщетную попытку вырваться, зверек успокоился и замер на руках у охотника. Опасаясь, как бы шок не повредил зверьку, мы бережно поместили наш трофей, а это была крольчиха, в одну из клеток.

Кролики и зайцы в неволе очень сильно нервничают, они способны разбиться насмерть о деревянную стенку или решетку, если им покажется, что враг близко. Зная об этом, я боялся, как бы наш первый теворинго не сделал то же самое. Чтобы кролику было спокойнее, я даже пригото-

вил пальто, хотел накрыть им клетку. Однако кролик сидел в клетке совершенно спокойно и глядел на нас. Выждав минутку, я осторожно протянул руку к проволочной решетке и тихо поскреб ее пальцем. Можете представить мое удивление, когда тепоринго сделал маленький прыжок, подошел к решетке и понюхал мой палец! Крольчиха держалась так невозмутимо, словно мы поймали не дикое, а домашнее животное.

Налюбовавшись нашим трофеем, я решил, что лучше всего сейчас же отвезти крольчиху в Мехико и посмотреть, как она себя будет чувствовать. А потом уже продолжить отлов.

Возвратившись в город, мы поставили клетку с тепоринго на газету, которую расстелили на полу среди гостиной. А сами помчались на базар и накупили столько всяких плодов, овощей и зелени, сколько могли унести. Вернулись — тепоринго держится все так же невозмутимо. Тогда мы принялись тщательно готовить крольчихе еду, ведя строгий учет, сколько и чего мы ей дали. Нам важно было знать, что она съест, какая пища ей придется по вкусу. Положили угощение в клетку, накрыли ее и вышли.

А когда часа через три пришли домой, я осторожно снял с клетки покрывало — съела хоть что-нибудь? Снял без особой надежды: во-первых, животному после поимки нужно немало времени, чтобы освоиться; во-вторых, корм был непривычный для крольчихи. Стоит ли говорить, что я не поверил своим глазам, обнаружив, что крольчиха почти все съела. Нетронутой осталась только одна трава, которая не пришлась ей по вкусу. Понравилось крольчихе даже яблоко, а я думал, что она к нему не прикоснется. Теперь надо было несколько дней подождать, чтобы убедиться, что новая диета не повредит нашему тепоринго, не вызовет энтерита или еще какого-нибудь опасного недуга, способного убить не только кролика. И все-таки отличное начало!

На другой день я с Диксом и Шепом совершил поездку по деревням. Только в двух местах колонии тепоринго находились достаточно близко от поселения. Мы переговорили с местными старостами, объяснили, что нам нужны кролики, и предложили уплатить за каждого пойманного тепоринго цену, которая потрясла бы любого мексиканца.

Два дня я не сводил глаз с нашего кролика — не появятся ли признаки тревоги или недомогания? Но пленница вела себя спокойно и с удовольствием съедала почти все, что мы ей предлагали.

Наше пребывание в Мексике подходило к концу, и хотя мы чего-то достигли, от одной крольчихи мало проку. Я мечтал о десяти тепоринго, да чтобы было не меньше четырех самцов. Тогда у нас будет колония, от которой можно получить достаточное потомство.

Убедившись на деле, как трудно поймать тепоринго, я оставил мысль отловить толстоклювого попугая. Но неожиданно мне рассказали об одном торговце животными, чья лавка находилась на краю города, и мне захотелось побывать в лавке. Как же я обрадовался, когда увидел в клетке три пары ярких буйных толстоклювых попугаев с озорными глазами! Я приобрел все три пары и с торжеством доставил их домой. Птицы были совершенно здоровыми, молодыми, и Шеп не мог от них оторваться.

Шли дни, мы регулярно наведывались в деревни, и нам регулярно докладывали, что стараются, копают, да только никого поймать не могут. У меня не было оснований им не верить. Напротив. Оставалось только повысить обещанное вознаграждение за тепоринго до астрономических размеров.

И вот в один прекрасный день фортуна будто повернулась к нам лицом. Мы отправились в очередной объезд деревень. Стоило нам въехать на пыльную главную улицу одной из них, как по сияющему лицу выскочившего навстречу старосты мы поняли, что лед тронулся. Староста провел нас во двор своего дома, и мы увидели трех тепоринго. Все живы-здоровы, и все спокойно сидят в клетках с таким же невозмутимым видом, как и пойманная нами крольчиха. Но моя радость слегка померкла, когда мы выяснили, что все три кролика оказались самками. Ладно, четыре крольчихи лучше, чем ни одной. Мы рассчитались с ликующим старостой и повезли крольчих в город. В виде эксперимента двух поместили в одну клетку, но выяснилось, что у них неуживчивый нрав, так что пришлось держать всех зверьков поодиночке.

«Новоселы» так же легко, как и наша крольчиха, привыкли к новому корму — отличный признак. Но времени оставалось в обрез. Через несколько дней Шепу предстояло вылетать на Джерси. А мы, как говорится, не выполнили плана по тепоринго. И хуже всего, что нет самца.

В отчаянии я решился на последнюю меру, взял с собой Дикса переводчиком и поехал в министерство земледелия к доктору Моралесу. Объяснил ему, что после стольких усилий и затрат вернуться на Джерси только с четырьмя самками — все равно что потерпеть полный крах. Нельзя ли переписать выданное мне разрешение на имя Дикса? Он попытается добыть еще шесть вулканических кроликов. Хоть один-то из них будет самец! Доктор Моралес отнесся сочувственно к моей просьбе и тотчас согласился оформить разрешение на имя Дикса.

Последующие сутки были наполнены лихорадочной деятельностью. Надо было смастерить транспортные клетки для тепоринго, а главное, клетку для толстоклювых попугаев — не только легкую (ведь им лететь на самолете), но и достаточно прочную. Ибо наши попугаи были наделены такими мощными клювами, что им ничего не стоило за четверть часа разбить в щепки обыкновенную деревянную клетку, а мне вовсе не хотелось, чтобы птицы вырвались на волю в самолете.

И вот пришла пора Шепу лететь с драгоценным грузом. Уже через три дня состоялся телефонный разговор с Джерси. Кэт доложила, что вулканические кролики и попугаи прибыли благополучно. Кролики освоились, попугаи тоже, все в порядке. Я облегченно вздохнул. Теперь дело за Диксом.

Наконец все итоги подведены, мы отправились в Веракрус и сели на пароход. Кончилась наша увлекательная и тревожная мексиканская экспедиция. Если Дикс справится с задачей и пришлет нам самца тепоринго, можно будет считать ее вполне удавшейся. А пока оставалось только надеяться.

Прибыв на Джерси, я стремглав помчался к клеткам, где держали крольчих. Я уже знал, что на девятнадцатый день старшая крольчиха произвела на свет двойню, и первые двадцать четыре часа все как будто шло благополучно. А потом крольчат нашли мертвыми.

Шли недели, а от Дикса ни слова. Я уже заподозрил, что ему попросту надоели вулканические кролики. И вдруг однажды утром телефонный звонок. Мистера Даррелла вызывает Мексика. Это был Дикс. Он сообщил, что ему удалось наконец добыть шесть кроликов, из них два — самцы. Он только что кончил мастерить транспортные клетки и отправляет тепоринго в ближайшие двадцать четыре часа. Я записал номер рейса и прочие подробности.

Когда клетка прибыла в зоопарк, мы осторожно, сдерживая нетерпение, сняли мешковину и заглянули внутрь. Пять живых, хотя и несколько «озадаченных» кроликов. И один мертвый. Мы бережно извлекли всех тепоринго из клетки. Нужно ли говорить, что мертвый оказался самцом. Осталось четыре самки и один самец.

Регулярно мы проверяли крольчих. Время от времени помещали к ним в клетку самца на несколько часов. И не спускали с тепоринго глаз, потому что они очень вспыльчивы и нельзя было допустить, чтобы последний самец был убит разозленной крольчихой.

И настал день, когда мы обнаружили, что одна из самок устроила у себя в спальне гнездышко из соломы, выстланное ее собственной шерстью. А в гнездышке лежали два крольчонка. Понятно, мы ликовали. Начались повседневные наблюдения. Малыши хорошо росли, и мы все больше задирали нос. Видно, мы чересчур зазнались, потому что судьба, как это часто бывает в таких случаях, не замедлила преподнести нам несколько неприятнейших сюрпризов.

Началось с того, что однажды утром мы нашли погибшего крольчонка. Каким-то непонятным образом он запутался в прутике и задохнулся. А уцелевший крольчонок был самкой.

Потом умер наш взрослый самец. Вскрытие показало, что причиной его смерти было заболевание, очень трудно распознаваемое на первых стадиях. Мы немедленно дали остальным кроликам для профилактики сульфамезатин. И тем не менее две крольчихи погибли от той же болезни.

В итоге мы, что называется, вернулись на старт. Несколько самок и ни одного самца. Тогда я опять отправил письмо доктору Моралесу с рассказом о наших злоключениях. Объяснил, что без самца наша коллекция неполноценна, но кое-что нам все-таки удалось сделать, так что наши усилия не были тщетными. В частности, доказано, что тепоринго можно содержать в неволе, к тому же на гораздо меньших высотах. Установлено, что вулканические кролики размножаются в неволе. Так, может быть, Диксу Бранчу будет позволено попытаться поймать для нас еще несколько тепоринго?

К моей великой радости, пришел утвердительный ответ. Надеюсь, что в конечном счете нам больше повезет, и в коллекции Треста появится плодовитая колония тепоринго — этих симпатичных маленьких зверьков.

Дж. Даррелл

Сокращенный перевод с английского Л. Жданова

— Друзья мои! Если все в сборе и успели найти в журнале странички нашего Клуба, пора открывать заседание.

Разрешите сегодня представить вам нового члена Клуба — мастера Самоделкина. Прошу, мастер, скажите, что привело именно вас в Клуб Почемучек?

— Люблю мастерить. Хочу дружить с теми, кто умеет держать в руках топор и пилу, молоток и рубанок.

— В таком случае ваши лучшие друзья — строители Птицеграда.

— Я только что вернулся из этого города мастеров.

— Превосходно! Нет сомнения, у вас самые свежие новости из птичьего города. Надеюсь, вам понравились новейшие конструкции птичьих домиков, созданных нашими Почемучками. Что вы скажете о предложении Толи из Харьковской области? Он советует делать в скворечнике два летка.

— Ненужное изобретательство. Два летка? А зачем это? Чтобы холодней было в домике? А что касается новостей — читайте вот эти письма.

Совсем наоборот

Говорят, скворцы не могут жить в разукрашенных домиках. Нет, могут. И очень просто.

Мы провели такой опыт. Сделали 5 скворечников простых и 5 раскрашенных, один одного ярче. Простые скворечники повесили около школы, а раскрашенные у фермы в шелковичном саду недалеко от пруда. И уверяю вас, всезнающие барон Мюнхгаузен и Почемучки, что скворцы быстрее поселились в разноцветных скворечниках. Выходит, скворцам понравились новые домики, а может быть, они поселились в них, так как рядом много еды и воды?

Алла Вронская

Село Константиновка
Херсонской области

Наездник

В саду я наблюдал интересный случай. К скворечнику подлетел скворец. Он знал, что там сидит воробей. «Как его выгнать?» — наверное, задал себе вопрос скворец. Решение он нашел блестящее. Сел на крышку скворечника и начал подражать чириканью воробья. Делал он это очень умело. Воробей даже не заподозрил, что это чирикает скворец. Он только высунулся из скворечника, как на него сверху бросился скворец. Воробей с перепугу кинулся прочь, да не тут-то было. Скворец летел над воробьем, да так близко, что можно было подумать, сидел на нем верхом. Скворец летел и клевал в голову воробья, пока не прогнал. Потом «наездник» вернулся к домику и с торжествующим видом уселся на крышку.

Юра Пенкин

Харьковская область

— Интересно рассказали ребята. Догадались, почему скворец выгнал воробья?

— Конечно, Айболит: птицам не хватает квартир.

— Правильно, сейчас осень, самое время для строительства скворечников. Что скажете вы, мастер Самоделкин?

— У меня приготовлено важное сообщение.

ВСЕМ! ВСЕМ СТРОИТЕЛЯМ ПТИЦЕГРАДА!

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ КОНКУРС НА СТРОИТЕЛЬСТВО ПТИЧЬИХ КОРМУШЕК, СКВОРЕЧНИКОВ, СИНИЧНИКОВ. ИХ НУЖНО РАЗВЕШИВАТЬ СЕЙЧАС, ОСЕНЬЮ.

ВСЕ ПРИСЫЛАЕМЫЕ НА РАССМОТРЕНИЕ ЖЮРИ КОНСТРУКЦИИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРОСТЫМИ, УДОБНЫМИ ДЛЯ ПТИЦ. МАЛО ПРЕДЛОЖИТЬ СВОЮ НОВУЮ КОРМУШКУ, НЕОБХОДИМО СООБЩИТЬ О ТОМ, КАК ВЫ ЗАБОТИТЕСЬ О ПТИЦАХ ОСЕНЬЮ И ЗИМОЙ. МОЖНО РАЗВЕШИВАТЬ И ОБЫЧНЫЕ КОРМУШКИ. В ТАКОМ СЛУЧАЕ СООБЩИТЕ О КОЛИЧЕСТВЕ ПОСТРОЕННЫХ ПТИЧЬИХ СТОЛОВЫХ И О ТОМ, КАКИЕ ПТИЦЫ ПРИЛЕТАЮТ.

— Можете быть уверены, мастер Самоделкин, на ваше объявление последуют сотни откликов. И мне кажется, вам придется в скором времени отправиться в Птицеград, чтобы убедиться в исключительно заботливом отношении Почемучек к пернатым.

Рис. В. Карабута

— Помнится, Мюнхгаузен, и вы ждете приглашения к Почемучкам, которые собираются вас чем-то удивить.

— Ровно месяц назад я сообщил об этом, Айболит. Но пока еще не получил приглашения.

— Не беда. Оно непременно поступит. А сейчас мы ждем от вас дива.

— Вы о нем услышите.

На ферме аллигаторов

Есть фермы по выращиванию злаков и хлопка. Слышал я и о птичьих фермах, но ферму аллигаторов каждый день не встретишь. А я был на такой. Она находится в тропическом заболоченном лесу Флориды, в трех часах езды от красот Майами.

Под высокими пальмами и мангровыми деревьями бегут ручейки, они сливаются в маленькие водоемы и, наконец, в единый большой бассейн. По этой сети ручейков совершают утреннюю прогулку десятки, нет, сотни аллигаторов.

Я бы не отказался от своего предубеждения к аллигаторам, если бы не Юмбо. Юмбо сидел, ленивый и спокойный, в стороне от других, в тенистом уголке и дружески смотрел на меня. «Доброе утро», — сказал он, заметив мое удивленное лицо. Мы разговорились. Он здесь на пенсии, так сказать, вне службы. На мой вопрос о возрасте он указал взмахом хвоста на дощечку, висящую на стене позади него. «Юмбо — приблизительно 600 лет». Неудивительно, что с молодыми аллигаторами по 200—300 лет он не желал водиться.

Ко мне подошел один из сторожей, и мы начали обход. Надо было на ходулях осторожно перелезать через крокодилов.

Аллигаторы вылуплялись из яиц размером не крупнее большого пальца руки. В 20—30 лет они еще дети, а в 60—70 — зеленая молодежь. Отцами семейства аллигаторы становятся после 100 лет, и Юмбо не единственный крокодил, достигший в 600 лет пенсионного возраста.

Жизнь этих животных очень мало изучена, и есть очень большой спрос на аллигаторов любого возраста в зоопарках, лабораториях и зоомагазинах.

В последнее время медицина пользуется аллигаторами для опытов вместо крыс и мышей. И это имеет свое основание. Аллигатор — холоднокровное животное с замедленной работой всех органов. Холоднокровные аллигаторы при частичной операции на теле, возможно, ничего не ощущают.

Мой проводник считает, что аллигаторы — веселые и умные животные. Для тупых животных не построили бы водный каток пятиметровой высоты. И какое веселье и оживление царят на этом катке!

Позже я предпринял поездку на аллигаторе. Холодная спина не напоминала мягкое седло, а темп был невелик, но чувствовалось желание услужить.

Когда я покидал ферму, то, к своему ужасу, заметил дощечку с надписью: «Аллигаторы очень точны в броске за

добычей. Берегите руки и ноги и не подходите близко, иначе можете оказаться в их желудке».

Я вновь увидел доброго Юмбо. Он открыл на метр свою пасть и разрешил мне глубоко заглянуть в нее. Захотелось ли ему есть или он просто зевнул, трудно сказать. А может быть, это была его манера мило прощаться?

— Теперь ваша очередь, Айболит. Могли бы вы сообщить нам о чем-то необычном в повадках ваших пациентов?

— Сколько угодно. Редчайший случай в моей практике — курица-путешественница. Мне рассказал об этом Егор Васильевич Свинцов.

Курица-путешественница

В один из осенних дней у одного пчеловода пропала курица. Дом его был у лесной опушки, и хозяин считал, что курицу съела лиса.

В декабре подморозило. Выпал первый снежок. Утром пчеловод вышел из дома и ахнул. У крыльца на снегу сидела курица, да не одна, а с цыплятами. Пушистые малыши бегали по снегу и пищали. Пчеловод впустил их на веранду. Насыпал на пол пшена, хлебных крошек. Голодные цыплята жадно ели корм. И только когда малыши вдоволь наклевались, курица сама принялась за еду.

Где же пропадала курица? Мы пошли по хорошо отпечатавшимся на снегу следам. Они вели в глубь леса. В кизиловой роще, близ горного ручья, под обрывом, где лежал ворох сушняка, след пропал. Стало ясно: под этими ветками курица и жила. Тут она вывела цыплят, тут кормила их ягодами кизила, ежевики, насекомыми. А когда корм оказался под снегом, путешественница вспомнила свой бывший двор и привела домой цыплят.

— Да, чего-чего только не приходится увидеть, когда к тебе приходят больные звери! Однажды ко мне прискакал северный олень, который подавился птенцом.

— Стыдитесь, Айболит! Вам ли не знать, что олени травоядны и не едят птенцов.

— Я послушаю, что вы скажете после того, как прочтете рассказ Семена Давидовича Кустановича.

Хищные травоядные

— Фотоснимки птиц? Ну конечно же, вам надо в Арктику. Тундра летом — птичий рай. Где еще увидишь птиц в таком количестве!

И мы последовали этому совету.

Июнь. Север Якутии. Неспроста большинство видов птиц прилетает в тундру дружно. Три-четыре теплых дня — и они тут как тут. Теплое время длится здесь всего от силы три месяца. Надо не зевать, а то до холодов не успеют подрасти птенцы. Многие птицы приступают к гнездовым делам сразу же по прилете. Некогда и передохнуть после утомительного длинного пути на родину. Зимовки не ближе Южной Азии, а у иных даже в Южной Америке или на самом краю света — в Австралии. Далеко лететь домой, зато в родной тундре хорошо: корма — насекомых — полным-полно. И рабочий день круглосуточный. Солнце-то летом не заходит. Кормить птенцов можно непрерывно, пока крылья носят. Уже в начале июля во многих гнездах появляются первые яйца. А в конце его или в начале августа, год на год не приходится, в воздух уже поднялись первые птичьи эшелоны куликов.

Устроились мы на постой в избушке охотника-промысловика Андрианова. Зашел как-то у нас с ним разговор, почему, мол, птиц: гусей, журавлей, лебе-

дей, да и уток — становится в тундре все меньше. У крупных враг номер один известен — человек. А кто враги птичьей мелочи — песцы, волки? Гнезда-то на земле.

— Песцы не так уж и страшны, — не торопясь отвечал старый охотник. — Птицы сообща их гонят. Волков у нас мало. Для них эта пернатая мелочь не пожива. Птичьи разбойники: белые совы, мохноногие канюки — довольно редки. И основное для них не птичье мясо, а грызуны — лемминги. Зато есть у птиц враг куда пострашнее. От него ничем не спасешься. Пошли покажу.

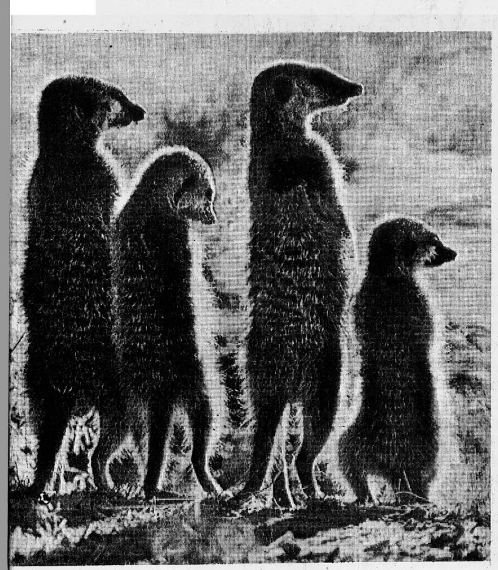
Вывел он нас на бугор. Показал рукой. Смотрим — низинка, а в ней озерцо. Таких здесь тысячи. Кругом кочки. Трава уже густая зеленеет. Цветы. А только трава больше потоптана. Птицы, почти одни кулики, целой тучей вьются, кричат: без гнезд остались, бедняги. Чей разбой, думаем. Андрианов объяснил: северные олени. Стадо их тут прошло. Олень — это не песец. Его криками птичьими не отгонишь. Добро бы один, а то целым тысячным стадом напустятся. Едят они не только ягель, траву и ветки кустарников. Жадно ищут грибы, птичьи яйца и птенцов. Идут себе все вперед и вперед. И на пути ни одного гнезда не пропустят.

Олень хорошо соображает, что к чему. Заметит, над низинкой птахи летают — гнездовья у них там, сейчас туда, и ну птичьими яйцами и птенцами пировать. А лемминг попадется, и его слопают. Вот тебе и травоядные! Жаль птиц, а сделать мало что можно. С домашними оленями просто: дать строгий наказ пастухам гонять стада подальше от птичьих гнездовий. Дикие сами себе хозяева. За ними не углядишь.

По возвращении в Москву мы узнали, почему северные олени ведут себя словно не травоядные, а хищные животные. Причина тут одна. Всю долгую зиму питаются они ягелем-лишайником. А в нем очень мало солей. Не от хорошей жизни, а от солевого и белкового голода вынуждены северные олени весной и летом разнообразить свое меню. Иначе болезни и гибель.

— А теперь прошу посетить нашу фотовыставку «Удивительное — рядом». Очередную фотозагадку показывает нам Вячеслав Всеволодович Дмитриев.

Каких только представителей животного мира не встретишь в Африке! Перед вами семья сурикатов. Это красивые и безвредные животные. Опираясь на свои хвосты, они пристально следят за тем, что происходит в пустыне. Близкие родственники мангустов, они питаются мелкими змеями, грызунами, саранчой, термитами и луковицами растений, которые выкапывают своими остроконечными носами. Сурикаты обитают колониями в норах или глубоких расщелинах скал. Звуки, которые издают эти зверьки, очень разнообразны: от жалобного воя до своеобразного лая.

— Так уж случалось со мной всегда: стоило оставить дома ружье, как меня поджидала опасность. Так было и в тот день поздней осени. В самом прекрасном настроении я медленно брел по дороге. И вдруг... змея! Еще! Еще! Я был невооружен и беспомощен. Но я всегда был и есть Мюнхгаузен!

«Она не замечает меня, потому что занята какими-то своими заботами», — догадался я.

И я был прав. Ты улыбаешься, Почемучка? Кажется, ты мне не веришь? В таком случае пусть рассказ Федора Павловича Рыбакова подтвердит, что я говорю истинную правду.

Жылы болады — будет тепло!

Солнышко все припекало и припекало. Температура в этот день поднялась выше двадцати градусов тепла. В одном месте, на плесе, мы увидели плывущего в нашу сторону ужа и очень удивились, что в такое позднее осеннее время он еще не залег в спячку.

Уток на нижнем пруду не оказалось, и мы решили вернуться на верхний. Теперь мы шли по грунтовой, хорошо накатанной и довольно пыльной дороге. Не успели пройти и нескольких шагов, как сразу же увидели змею — степную гадюку, гревшуюся на солнце. Зная, что змей убивать запрещено, мы понаблюдали за ней, немного подразнили и двинулись дальше. Буквально через несколько метров увидели вторую, а через некоторое время сразу двух.

В одном месте я чуть не наступил на щитомордника. Теперь я уже начал подсчитывать количество выползших на дорогу змей. И насчитал их двадцать восемь на расстоянии не более трех километров. Я и раньше знал, что змеи в этих местах водятся, но такого их обилия встретить не ожидал.

Мы свернули с этой дороги на асфальтированную и тоже увидели трех змей.

Навстречу нам ехал пожилой чабан. Поздоровавшись с ним, я рассказал о змеях. Он насмешливо посмотрел на меня, поцокал языком, ничего не сказал, тронул лошадь и поехал по нашему следу, оставленному на дороге.

Уже у самой плотины он догнал нас и сказал всего два слова: «Жылы болады» — будет тепло!

И действительно. Стоял декабрь, а у нас, под Алма-Атой, было тепло. Температура днем поднималась выше десяти градусов.

Приехав домой, я рассказал об этом случае своему другу биологу. Он не поверил мне и сказал, что это похоже на «охотничьи рассказы», так как змеи, по его наблюдениям, залегают в спячку в наших краях в середине сентября.

Вот какое редкое явление природы пришлось мне наблюдать.

Выходит, чабан оказался прав: змеи — отличные синоптики!

— Мюнхгаузен, вы не задали вопросы «почему?».

— Не торопись, Почемучка. Я помню об этом. Но прежде хочу попросить членов нашего Клуба прислать нам свои пожелания, о каких животных и растениях им интересно прочитать в журнале и что больше всего хотелось бы о них узнать. А теперь и вопросы.

Какая птица развешивает около своего домика фонарики? Почему?

Инна Дьякова

г. Кременчуг

— Есть ли еще птицы, кроме кукушек, которые откладывают яйца в чужие гнезда?

Аня Питинова

г. Житомир

МУШЛОВКА

(См. фото на стр. 31)

В дубравах и смешанных лиственных лесах средней полосы СССР, от берегов Балтийского моря до рек Оки и Северского Донца летом можно увидеть интересного зверька, орешниковую соню, или как ее называют иначе мушловку. Этот грациозный и спокойный зверек из отряда грызунов хорошо лазает по деревьям, не боясь забираться на самые тонкие концы ветвей. Вес-то его всего двадцать шесть — двадцать девять граммов.

Гнездо орешниковой сони — небольшой шар в гуще ветвей, чаще на кустарниках. Но бывают и в дуплах и искусственных гнездовьях для птиц. Верхний слой гнезда состоит из сухих листьев, чем-то склеенных, выстланный внутри растительным пухом и размолоченными волокнами дуба; размножается мушловка два раза в лето, принося до 7 детенышей.

Днем зверьки спят в своих гнездышках, изредка выглядывая из них, а в сумерки покидают свои убежища. Питаются они ягодами, семенами деревьев и кустарников, молодыми желудями и лесными орехами. А вот разгрызать твердую оболочку зрелого ореха мушловки уже не могут, настолько это слабые зверьки.

В конце лета грызуны покидают свои гнезда, спускаются на землю, зарываются в лесной мох и засыпают до следующего года, до того, как распустятся листья на деревьях.

Орешниковая соня — мирный грызун. Пойманный зверек не бьется в руках и не пытается даже сопротивляться или кусаться. Привыкает к человеку в первые же сутки. При хорошем уходе и разнообразной пище мушловка может прожить в неволе несколько лет. Содержать ее в зооуголке гораздо интереснее, чем полезных ежей или медлительных черепах.

Домашний Кинг

Суровый пейзаж шиховских скал, тянущихся грядой вдоль Каспия, не сделался приветливее, когда из пещеры раздался глухой львиный рык и появилась гривастая львиная морда. Осмотревшись, лев вышел из пещеры и застыл как изваяние. Но вот могучие мышцы напряглись под атласной шкурой, живот поджался, морда вытянулась, верхняя губа оттопырилась, громовой рык, казалось, подчинил все вокруг. Но не совсем так. У соседней скалы что-то задвигалось, и вдруг от нее отделился маленький мальчик и бросился с воинственным воплем на льва. Когда мальчик вцепился в львиную гриву, из расщелины у входа в пещеру выскользнула белокурая девочка и прыгнула на спину льва. Началась схватка. В катающемся на песке клубке трудно было различить льва и детей. Исход борьбы решила лохматая собачка величиною немного больше кошки, яростно набросившаяся на льва. Лев тут же сдался на милость победителей. Тогда собачка завиляла хвостиком, а дети ухватили льва за щеки и начали целовать. Лев, отвечая на эти поцелуи, прикусывал детские подбородки и лизал взлохмаченные волосы. Враги превратились в сообщников и тут же произвели набег на территорию небольшого бассейна, где кинематографисты «Мосфильма» снимали страшные бои на море. «Флотоводцы» уже привыкли к таким вторжениям и поспешили сфотографироваться «на память» в этой компании. На всякий случай они внутренне и внешне содрогались, когда лев поворачивал к ним открытую из-за жары пасть, в которой виднелись огромные клыки-кинжалы. Лев подошел к водопроводному крану, повернул его носом и напился, ловя тоненькую струйку воды своим шершавым языком. Теперь путь к морю был открыт, и туда устремились наши друзья.

Первым бежал лохматушкин Чап — так зовут собачку, за ним дети, а следом лениво плелся лев. Вырвавшись далеко вперед, маленький лохматушкин чуть не покончил счеты с жизнью в зубах большой кавказской овчарки, принадлежащей сторожу бассейна. Сторож жил уединенно и поэтому ценил в своей собаке свирепость, и она действительно наводила страх на все окрестности. Бросившись на Чапа, овчарка тут же поняла, какую она совершила ошибку, — от Чапа пахнуло львом, а сам лев уже устремился на помощь. И хотя лев трусил как будто не торопясь, но надвигался на собаку с огромной скоростью — так бегают только львы. Собака взвыла от ужаса и, поджав хвост, бросилась к скалам искать спасение. В таких делах кавказской овчарке сноровки не занимать. Но здесь был не тот случай. Прыгая со скалы на скалу, лев не торопясь догнал овчарку и прижал лапой к скале. Накрыв замершую в шоке собаку своей гривой, лев обнюхал ее и забавно сморщил щеки, будто ему стало очень смешно, и тут же потерял интерес к такой мелочи и даже поддал ей под зад наружной стороной лапы. Собака безмолвно исчезла в скалах, отделавшись только испугом, — знай наших! В это время дети осматривали Чапа. Он тоже не пострадал и, вырываясь из рук, грозился разделаться с овчаркой.

Разгоряченный погоней, первым достиг моря лев и, неслышно скользнув в воду, поплыл. Над водой возвышалась только массивная голова, ставшая гладкой и блестящей. От этого львиные усы, казалось, начали торчать как у заправского морского хищника. Лев плыл уже далеко от берега, когда окутанные брызгами воды дети вторглись в море, неся Чапа на руках.

До сих пор мы спокойно сидели, изнемогая от жары, под зонтом и наблюдали за событиями на берегу — так смотрят много раз виденную кинохронику. Но море — дело серьезное, и доверять такой компании не приходится. «Рома, Ева, Кинг — назад!» Сначала эти крики особого действия не возымели. Но вот уши Кинга, как локаторы, повернулись в нашу сторону, и затем, описав дугу, лев не торопясь поплыл к берегу. Поравнявшись с Евой, он дал ей шутливого тумака, но дети тут же поймали львиный хвост, и Кинг, как на буксире, вытянул их на песок, к нашим ногам. Отряхнувшись, лев стал на задние лапы, обнял за плечи и поцеловал маму. Мама в объятиях Кинга вдруг сделалась маленькой девочкой, а потом и совсем пропала, наверное растворившись в гриве. Обнимая, Кинг не давил своим весом и не толкал. Еще бы! В свои 3 года он весит 230 килограммов! Потом загорали, вместе плавали и опять загорали.

Однако купание на этом не закончилось.

Каспий есть Каспий, и дома вся компания была вновь выкупана и отмыта от нефти. Сидя в ванне, облепленный густой пеной шампуня, Кинг басовито мяукал и даже несколько раз рыкнул, протестуя, что его, царя зверей, мама драит как какого-то плюшевого медвежонка. Ванна у нас старинная и поэтому очень большая. Кинг умещается в ней сидя, и только мокрый хвост свешивается через край.

После всех купаний приглашать к столу никого не приходится — садятся сами и прислушиваются к событиям, развивающимся в кухне. Но бабушка заранее подогрела обед, и папа тут же ставит тарелки с супом перед Евой и Ромой, а мама придвигает Кингу таз с шестью килограммами сырой конины, нарезанной кусочками и залитой бульоном. Бульон заправлен манной крупой. В еду заложены и витамины, и костная мука, и рыбий жир. Кинг восседает на диване, возвышаясь над столом, как гора, и аккуратно ест, не роняя на скатерть даже крошки. Рома, уловив подходящий момент, ныряет рукой в таз и, облегчая, как ему кажется, задачу Кинга, кладет мясо из таза прямо в пасть. Но бдительная бабушка тут же хлопает Рому по руке: «Кинг к тебе в тарелку не лезет!» В это время Чап, как полагается воспитанной собаке, ест на кухне из одной миски с сиамскими котами.

Львов не зря называют великими охотниками. Лентяи по натуре, львы затрачивают на охоту минимум физических усилий и времени — полчаса, час. И все это благодаря остроумным охотничьим замыслам и дисциплине среди членов стаи — прайда.

У нашего Кинга все эти таланты налицо, но проявляются совсем в ином плане. Наш великий охотник ежедневно откалывает такие номера, что часто ставит нас в тупик. Судите сами.

Как-то бабушка осталась с приятельницей Валей и решила пожарить рыбу к нашему приходу. Бабушка чистила ее, а Валя жарила и складывала в блюдо. Кинг, конечно, лежал рядом и дремал. Однако женщин это не беспокоило, так как они знали, что Кинг терпеть не может жареной рыбы, да и вообще самовольно ничего не берет. Но вот горка рыбы заметно выросла, и Кинг вдруг встал на задние лапы, опершись передними о стол, и начал есть рыбу. Он даже не ел, а смаковал, обсасывая каждую косточку и поглядывая в это время на двух растерявшихся женщин. Судя по тому, как они были ошарашены, Кинг решил, что «номер» отлично удался, и стал уже не есть, а священнодействовать. Наша бабушка, женщина решительная по натуре, вспомнила, что львы боятся воды, и попросила Валю полить голову Кинга холодной

водой из чайника. Бывает же такое! В ответ на этот небольшой душ Кинг рыкнул так, что посуда на всех полках задрожала и зазвенела. Естественно, женщины прекратили свои опыты.

Тогда бабушка сделала единственное, что нужно было сделать. Она сказала, обращаясь к Кингу: «Что же ты делаешь? Как тебе не стыдно? Придут мама и папа, ты понимаешь, мама и папа, и останутся голодными, если ты съешь всю рыбу! Ты думаешь, они тебе спасибо скажут?» Трудно сказать, что в этой речи бабушки дошло до Кинга, но бабушка нам рассказывала, что при упоминании папы и мамы Кинг потерял уверенный вид и прекратил дележ добычи.

Всегда после таких номеров Кинг встречает нас особенно ласково и старается показать, какой он хороший лев.

Любит Кинг разыгрывать папу, когда тот подметает квартиру, особенно длинные коридоры. Папа делает это неумело и поэтому очень внимательно. Кинг неслышно ходит где-то впереди. Но вот папа начинает нервничать: на пути щетки попадаются пустые ящики от посылок, ведра, какие-то палки и крупногабаритные игрушки. Тут папа начинает догадываться, что это шуточки Кинга, и пытается искать его по всей квартире. Кинг, конечно же, сидит возле мамы, делая вид, будто он никуда и не отходил. Постепенно фронт уборки подвигается к темной прихожей. Папа идет, зажигает свет и... натыкается на огромную кость, неизвестно откуда взявшуюся. Подметание продолжается уже при электрическом свете, который гаснет через минуту. Оглянувшись, папа видит силуэт Кинга, нажимающего передней правой лапой на выключатель. Шуточки Кинга со светом нам настолько надоели, что пришлось заменить все кнопочные выключатели. Но вот мусор сметен в одно место, папа идет за совком и, возвратясь, застает Кинга, лежащего на мусоре. Морда у него плутовская — попробуй сдвинь. Но папа не бабушка: пользуясь тем, что паркет натерт, а Кингу паркет царапать запрещено, берет льва за хвост и волочет его по коридору. Но Кинг тоже хитер. Захватив сор передними лапами, переезжает он на новое место.

Наблюдательность нашего общего любимца удивительна. Еще удивительнее то, что он из своих наблюдений порою делает очень тонкие выводы.

Ну, например, Кинг дружественно относится к людям и, конечно, их не боится, где бы он их ни встретил. Однако все это касается людей с нормальным поведением. Иное дело встреча с психически ненормальным человеком. От такого Кинг начинает шарахаться в сторону. У нас и у наших друзей было множество случаев убедиться, что это именно так. Один раз это нас даже выручило.

Как-то Валя заговорилась с соседкой, а дверь была открыта. Кинг мгновенно проскользнул мимо Вали, очевидно решив воспользоваться таким удобным случаем для прогулки. Валя догнала его на лестничной площадке и ухватилась за хвост, как утопающий за соломинку. Кинг мгновенно вытащил ее на улицу. На голове у Вали были бигуди, шлепанцы она потеряла. Такое экстравагантное появление этой пары на улице вызвало веселое оживление, что разозлило наездницу, и она закричала: «Помогите! Помогите задержать льва!» Конечно, никто помочь не отважился. И Кинг потащил Валю в сторону сквера. А Валя в этот момент думала: «Только бы не оторвался хвост». Она не знала, что хвост у льва — самая надежная «ручка». Неожиданно Кинг на всем скаку остановился, будто наткнулся на стекло, а Валя со всего разбега улеглась ему на спину. Но тут Кинг резко повернулся и бросился назад в подъезд. По лестнице он доставил Валю домой, как на хорошем лифте. Свидетели этого мгновенного происшествия рассказывали потом нам, что Кинг наткнулся на старого городского сумасшедшего, которого в окрестностях все знают. Человек этот мало отличается от окружающих людей, но поведение его сразу насторожило Кинга. После этого случая Кинг был наказан, Валя получила выговор за свое легкомыслие, а дверь теперь так просто не открывается.

Если бы можно было спросить у Кинга, что он больше всего любит, то он ответил непременно бы: «Сниматься в кино!» Он подтверждает это всем своим поведением, когда с нетерпением ждет машину, которая должна отвезти нас на киносъемки. Звук этой машины Кинг сразу же улавливает среди всех уличных шумов и звуков. Киносъемки дают возможность Кингу познакомиться с новыми людьми и животными, побывать в новых местах, досыта набегаться и как кинозвезде быть в центре внимания окружающих.

Однако, к несчастью Кинга, киносъемки быстро кончаются по его же вине. Он быстро и добросовестно выполняет все, что от него требуется. Впервые снимался наш лев в кинофильме «Синие зайцы».

Многочасовое путешествие по воздуху в Ленинград, случайная травма передних лап и совершенно новая обстановка сделали Кинга на редкость раздражительным и мрачным. И нам с ним на первых порах приходилось трудно. Поэтому нас на две недели освободили от съемок и поселили в очаровательном хуторе под Выборгом. Прекрасная природа, солнце, парное молоко и хорошее мясо сделали свое дело. Кинг начал быстро приходить в себя. Тайком

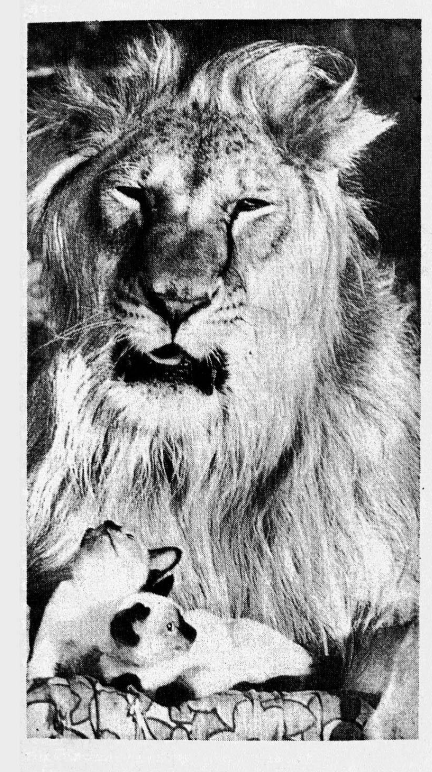
от киногруппы мы уходили с ним в лес. Лес был огромный и совершенно безлюдный, и поэтому мы безбоязненно отпускали Кинга, уверенные, что он никого не испугает. Лев как тень исчезал на час, а иногда на полтора. Отпустив Кинга впервые, мы заволновались: сможет ли наше городское «чадо» найти нас в такой чащобе. Папа через полчаса не выдержал и взобрался на высокое дерево. Мама позвала Кинга. И вот вдалеке мелькнуло длинное желтое тело. Легким галопом Кинг шел по дуге, нюхая воздух. Вдруг он поймал знакомый запах и, словно по линейке, проложил курс на маму. Вскоре послышалось знакомое «ау-у», и Кинг на радостях бросил нас обоих на землю и начал валять. Одновременно он на привязи свой могучий и такой подвижный хвост. В такой обстановке Кинг никогда не жил, но привычка бережно относиться к вещам действовала безотказно, без всяких напоминаний. Нам отвели просторную комнату, на окна повесили решетки. В этой комнате папа решил спать с Кингом и Чапом, а маме с детьми пришлось жить в гостинице. В центре Ленинграда, в сквере, расположенном между двумя потоками машин и окруженном зрителями, должен был сниматься такой эпизод: Кинг выходит со стороны кинооператора на лужайку, где его встречают дети, вовлекают в игру, и облепленный повиснувшими детьми лев выходит из кадра. «Будь с Чапом в кустах

что-то горячо нам рассказывал, очевидно делясь впечатлениями. «Чему ты, собственно, удивляешься? — спросил заметно повеселевший папа. — Ведь это Великий африканский охотник!» А великий охотник заигрывал с ящерицами, во дворе играл с поросятами всех возрастов и мастей, носился с козлом Васькой наперегонки и помогал Чапу загонять котов на деревья. Небольшая комната, в которой все мы жили, была заставлена десятками хрупких безделушек и горшочков с цветами, а также кроватями и мебелью. Кингу, чтобы выйти из комнаты, иногда приходилось давать задний ход. И всегда держать как на том конце и зови Кинга, Кинг пойдет к тебе, а по дороге его встретят Ева с Ромой и начнут обычные игры вместе с детьми, а потом ты его опять позовешь, и он пойдет к тебе, выйдя из кадра». Мама вышла в центр лужайки, где стоял детский сад в полном составе, и начала ровным голосом объяснять, что сейчас к детям выйдет добрый сказочный лев, который любит играть с детьми. Дети были так малы, что поверили, тем более что сами они были в сказочных одеждах, а Рома был кузнечиком, Ева — тюльпанчиком. Вообще все получилось, как было задумано, только Кинг на первых порах растерялся, уви-

дев такую пеструю толпу. Но он тут же узнал Рому и Еву и быстро подошел к ним. «Прекрасно, — сказал оператор, — но в середине эпизода у меня кончилась пленка, повторим».

Кинодубли — их бывает до десятка! Кинг, позволявший артисту Саше Филиппенко, с которым его познакомили за полчаса до съемки этого эпизода, класть голову в рыжем парике себе в пасть и другие клоунские вольности, вдруг заупрямился идти за ним на поводке. Режиссер, оценивающе глядя на папу, сказал: «Снимаем все равно со спины, переоденьтесь». Папу тут же раздели, и через минуту, неузнаваемый, он предстал перед Кингом. Тот мельком глянул в лицо, обрадовался, как всегда, папе и пошел куда было нужно. В сотый раз мы убедились, что зрительные восприятия являются основными для нашего Кинга, а обонянием он пользуется, как говорится, когда глаз не берет.

Вот так мы и живем. Но многие спрашивают, как мы дошли до жизни такой? Давно мечтали мы вырастить и воспитать у себя волка и льва. Волчицу мы вырастили, но у нас с ней не получилось. Лев вырос и живет с нами.

Очаровательный львенок, когда мы его взяли домой, был похож на плюшевого с витрины детского магазина. Если бы не когти! Казалось, он ими окружен, как хороший кактус колючками. Играл ли он, ласкался или злился — в дело шли все двадцать острых, как иголки, когтей.

Пока мы раздумывали, как отучить малыша от этих невыносимых когтей, и прижигали йодом многочисленные царапины, наш отчаянно храбрый скайтерьер Чап сам взялся за воспитание. Чап заводил с Кингом явно провокационные игры. И как только появлялись когти, мгновенно кусал Кинга за лапы и щеки. Кинг с протяжным мяуканьем бежал к нам жаловаться на вероломство Чапа. И до сих пор Кинг бежит к нам жаловаться, если кто-либо его обидит. Методом Чапа быстро овладели наши дети. Задача была решена.

Лежа в кроватке, доставшейся от Ромы, вместе с полным комплектом пеленок, простынь и одеял, Кинг, выпив на ночь молочную смесь, любил пососать соску и с нею вместе засыпал. Но скоро соску пришлось отобрать, иначе Кинг ее проглотил бы. Тогда он начал сосать углы простыни, одеяла и даже матраца. Запретить? Вместо этого пропитали все эти углы раствором хинина. Такую горечь не пососешь. В свое время тем же способом от такой же привычки отучили Еву.

В народе говорят: «Привычка — вторая натура». Ночью мама высаживала всех троих на горшок. Кинг к нему быстро привык. Горшок всегда оказывался под Кингом, когда ему было нужно. Унитазом Кинг начал пользоваться незаметно для себя и для нас.

Ел Кинг с аппетитом. И может быть, поэтому всегда переворачивал свою миску. Пришлось миску прикрепить к полу, и Кинг привык есть не переворачивая. Кинг ест, а мама подкладывает ему в миску что-либо вкусненькое. Зачем же сердиться на маму? Да и еды никто не отнимает. И Кинг до сих пор разрешает маме и детям хозяйничать в своей миске. А разве так едят львы в зоопарке?

Кинг с детьми играл часами. Они то гоняли мяч, то лазали по лестницам, то катались на качелях, а Кинг катался на своей покрышке от мотоцикла, подвешенной рядом с качелями. Самыми увлекательными были охотничьи игры — прятаться и нападать. Нам было крайне нежелательно развивать именно этот инстинкт у Кинга.

Но что поделаешь? И Кинг начал нападать на всех из засады. Нападал он со спины. А что будет, когда он вырастет? Пришлось всем ходить с зеркальцами в руках, чтобы убедить Кинга, что и спина имеет глаза. Так мы отучили Кинга нападать сзади. Иногда дети и Кинг просто боролись. Часто они увлекались, и борьба переходила в потасовку. Внешне все игры были безалаберны. Но они сделали в воспитании детей и Кинга важнейшее дело. В играх появились правила, и они строго соблюдались: не делать друг другу больно, не отнимать друг у друга игрушек. У каждого были свои игрушки, но если играли вместе, то игрушки становились общими — мяч, большой и шумный троллейбус, на котором все катались, и игрушечные автомашины. Игры приучили действовать сообща и уважать друг друга и послужили началом большой дружбы. Эта дружба осталась между большим львом и все еще маленькими детьми.

Нина и Лев Берберовы

Фото Ю. Поливанова

Когда рассказ о Кинге уже находился в производстве, редакция узнала печальную весть — Кинг погиб, погиб внезапно и трагически.

Берберовых вместе с Кингом пригласили на съемки фильма «Итальянцы в России». Съемки велись в Ленинграде, затем в Москве. Оставалось отснять всего несколько эпизодов. И вот трагическое недоразумение!

Кинг жил в спортивном зале подшефной школы «Мосфильма». В один из дней, когда рядом никого не оказалось, Кинг вышел в коридор и через окно выбрался в школьный сад. Возможно, причиной тому была собачка, забежавшая в сад. Она была похожа на Чапа Берберовых, с которым Кинг вырос. За собачкой в отверстие ограды пролез ее владелец, студент МВТУ Владимир Мартынов. Он поймал собаку и передал ее своей спутнице за ограду. В это мгновение из-за кустов появился Кинг, сшиб юношу, и тот оказался на земле.

Не зная, что это за лев, Владимир, естественно, испугался, закричал, стал отбиваться, получил при этом несколько царапин, на лице появилась кровь. Сбежались люди. Кто-то побежал за милиционером. Тот увидел окровавленного человека и вынужден был его защищать.

Несколько выстрелов — и Кинга не стало.

Редакция журнала очень сожалеет, что прерван такой интересный и редкий эксперимент дружбы хищного зверя с человеком.

«Охрана природы — всенародное дело!» Под таким девизом Всероссийское общество охраны природы проводит фотоконкурс, посвященный 50-летию общества.

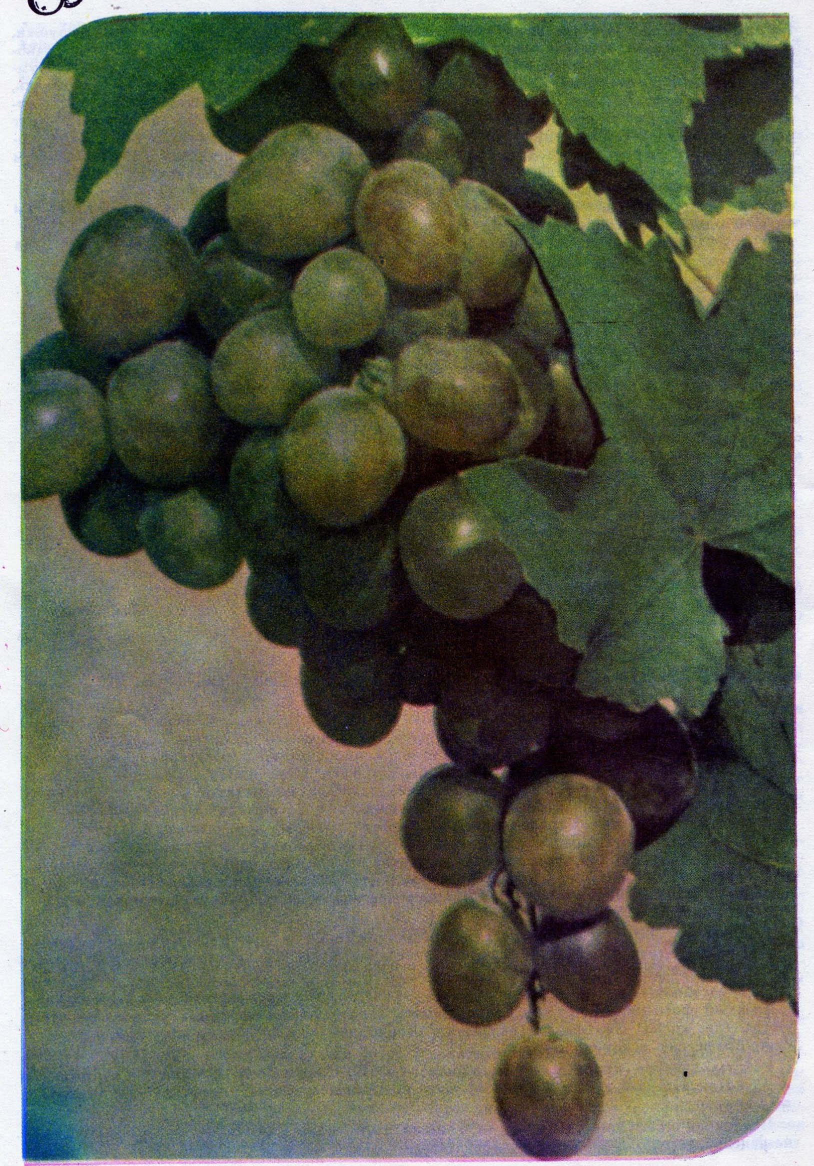
Охрана почв, водоемов, лесов, развитие садоводства, озеленение и цветочное оформление городов и поселков, звери, птицы, рыба и их охрана, полезные насекомые и их охрана, борьба с браконьерством, охрана памятников природы — вот неполный перечень тем, которые нужно отразить в фотоснимках. Необходимо также рассказать о массовых мероприятиях по охране природы, проводимых в стране месячниках леса и сада, праздниках цветов, об участии в охране природы детей и юношества. В фотоснимках, присланных на конкурс, должна найти отражение работа первичных организаций общества — оформление уголков природы, экспозиции выставок и разделы охраны природы в краеведческих музеях, работа лекториев и народных университетов охраны природы.

В конкурсе могут участвовать все желающие, снимки принимаются любого размера, но не менее 18×24; контрольный отпечаток 9×12 (к цветным фото контрольные отпечатки черно-белые).

К представляемым на фотоконкурс снимкам приложение негативов обязательно. Каждый фотоснимок должен сопровождаться подробным текстом с указанием, что снято, где, когда. На обороте отпечатка необходимо указать фамилию, имя и отчество, профессию и адрес автора.

Работы следует направлять по адресу: 103012, Москва, К-12, проезд Куйбышева, 3. Центральный совет Всероссийского общества охраны природы, с пометкой «На конкурс».

Последний срок приема работ — 1 июля 1974 года. Снимки не возвращаются и не рецензируются.

Виноград декоративный

В центральной и северо-западной части нашей страны издавна принято украшать свои дома, беседки, заборы и отдельные деревья диким виноградом. Это неприхотливое лазящее растение высоко забирается по стенам домов, лиственным и хвойным деревьям и все лето радует вас зеленью, а осенью разноцветными листьями и кистями мелких темно-синих ягодок.

Но в народе справедливо говорят: «На вкус и на цвет товарища нет». Лично я люблю выращивать около юго-восточных, южных и юго-западных стен и заборов культурный морозоустойчивый виноград, а дикому отвожу северные, северо-восточные стены построек и другие затененные места, где он так же прекрасно растет и развивается.

Более десяти лет у стен дома, в котором я живу, хорошо растет и плодоносит морозоустойчивый виноград восьми сортов: Ранний Маленгера, Сеянец Маленгера, Пино черный, Мадлен Анджевин, Альфа, Гибрид-138, Таежный изумруд и многие другие давно проверенные местные сорта. В каждой области есть много испытанных и признанных сортов, о которых можно узнать в местных управлениях сельского хозяйства или в обществах охраны природы.

В зависимости от сорта, конечно, при хорошем уходе осенью с одного куста можно собрать от 5 до 10 килограммов вполне зрелых ягод. Ну а если в вашем распоряжении более 20—30 погонных метров пристенной земли, то вы имеете возможность вырастить столько винограда, что его хватит на десерт до середины осени.

Как правило, растения высаживают у стен на расстоянии двух метров друг от друга, но посадки можно и немного загустить. Только тогда надо своевременно ухаживать за каждым кустом, удалять побеги-пасынки и лишние неплодоносящие плети, а также не злоупотреблять количеством гроздьев, оставляемых на каждом кусте.

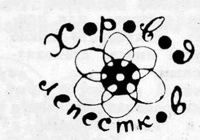
Если у вас есть желание декорировать хвойные или лиственные деревья, то можно использовать виноград Арктик, Буйтур и Амурский черный. Эти сорта прекрасно переносят зимы центра и северо-запада нашей страны и дают очень нарядную листовую зелень. За лето они поднимаются до 8—10 метров. На зиму этот виноград не укрывают, а если иногда и подмерзают его недозревшие вершины плетей, весной их удаляют, когда укорачивают плети.

Культурный виноград можно вырастить и в комнате зимой на подоконнике, а с весны до осени на балконе. Выращивать лучше такие ранние сорта: Шасла белая и розовая, Королева виноградников, Гольден чемпион.

Размножают виноград горизонтальными отводками. Один или два неплодоносящих побега оставляют до следующей весны. Как только наступит пора посадки, от куста по длине выбранных плетей прокапывают канавки глубиной 25—30 сантиметров. Их заполняют перегноем, смешивают его с землей канавки и на взрыхленную почву укладывают лозины так, чтобы они оказались на 10—15 сантиметров ниже уровня. Плеть пришпиливают рогатками ко дну и присыпают землей слоем 8—10 сантиметров. На той же части лозы, которая остается неприкрытой, ножом вырезают все глазки, а лозу в месте изгиба перевязывают тонкой проволокой. Пришпиленная плеть утолщается, проволока врезается в ее ткани и препятствует оттоку питательных веществ в старые части куста. В результате улучшается рост новых побегов и корней на отводке.

Почти из всех присыпанных глазков отводка вырастают новые побеги. По мере их удлинения канавку надо заполнять новым слоем земли, а верхний конец будущих саженцев-побегов срезать над 6—7 междоузлием. Осенью отводок выкапывают, разрезают на самостоятельные саженцы и высаживают на постоянное место или до весны прикапывают и слегка утепляют.

Саженцы винограда можно вырастить и из семян. Собранные осенью из ягод желаемого сорта зерна высевают сразу или вскоре после сбора непосредственно в грунт или в парник. С весны семена постоянно увлажняют. Обычно в начале июня появляются всходы. В конце июня растеньица пересаживают в школку. Когда они достигнут полуметровой высоты, вершину надо подрезать, чтобы саженцы лучше укоренились. Саженец, выращенный из семян, вступает в плодоношение на 5—6 год. Растения же, выращенные из отводков, начинают плодоносить на второй год.

Мальва махровая

Вряд ли кто из вас не видел красивые цветы мальвы. Правда, в парках и скверах городов и сель-

ских поселков их редко высаживают, зато на многих приусадебных и дачных участках, на обочинах дорог Украины и Кавказа они встречаются часто.

К сожалению, махровые мальвы встречаются очень редко, хотя именно они и представляют наибольший интерес.

Мне давно были знакомы белые, кремовые, желтые, розовые, красные и темно-красные мальвы, напоминающие цветы махровых роз, а вот с черной махровой мальвой довелось встретиться только в 1971 году в Таджикистане. Этот любимый цветок иранцев я увидел в палисаднике заместителя председателя колхоза Рахаты. С тех пор прошло два года. Теперь уже многие цветоводы-любители на Дальнем Востоке, в Сибири и в европейской части нашей страны на фоне черной махровой мальвы выращивают красные, розовые и белые.

Родина мальв — побережье Средиземного моря и страны Ближнего Востока. Эти высокие травянистые многолетние цветы, реже однолетки, растут на освещенных солнцем плодородных почвах, чаще всего у стен домов, на южной стороне заборов и по солнечным обочинам дорог. Цветут с начала июля и до середины августа.

На северо-западе нашей страны и в затененных местах махровые мальвы плохо опыляются пчелами и шмелями и потому остается много пустоцветов.

Размножают мальву семенами, которые сажают сразу в грунт. В год посева растение образует листовую розетку, а на второй год вырастают цветочные побеги высотой до двух метров. Можно выращивать мальву и рассадой. Тогда она зацветает в год посева. Только учтите: в северо-западных районах страны семена завязываются поздно осенью или даже не вызревают.

Сажают мальву на расстоянии полуметра цветок от цветка, а если высаживают группой, то через 20—25 сантиметров.

Все мальвы, простые и махровые, могут служить прекрасным фоном для других менее рослых цветов. Ими хорошо оформлять дорожки, ведущие к центральному входу школы.

А. Рон

РЕБЯТА! ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО В КАЖДОЙ РЕСПУБЛИКЕ, ОБЛАСТИ, ГОРОДЕ, РАЙОНЕ ЕСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ, КОТОРЫЕ ЗАНИМАЮТСЯ ОХРАНОЙ ПРИРОДЫ. ОНИ ВЕДУТ БОЛЬШУЮ РАБОТУ ПО МАССОВОМУ РАЗМНОЖЕНИЮ ИНТЕРЕСНЫХ ВИДОВ РАСТЕНИЙ. ТАМ И ПОСТАРАЙТЕСЬ ВЫ УЗНАТЬ ИМЕНА ТЕХ, КТО УЖЕ ВЫРАЩИВАЕТ ТАКУЮ МАЛЬВУ ИЛИ ДРУГИЕ ИНТЕРЕСНЫЕ РАСТЕНИЯ. ВОЗМОЖНО, ЦВЕТОВОДЫ СМОГУТ ПОДЕЛИТЬСЯ С ВАМИ СЕМЕНАМИ ИЛИ ЧЕРЕНКАМИ.

АВТОР ЗАМЕТКИ И РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА СЕМЕНАМИ НЕ РАСПОЛАГАЮТ.

ГОРТЕНЗИЯ МЕТЕЛЬЧАТАЯ

Будто соревнуясь между собой, каждое соцветие гортензии метельчатой меняет свой наряд до трех раз за время цветения. То они радуют своей белизной, то их наряд розовеет или приобретает голубовато-синюю окраску, а иногда становится красным.

На своей родине, в прибрежных районах Японского моря и Тихого океана, в горных лесах Китая, Японии и на южном Сахалине гортензия метельчатая растет как кустарник или небольшое деревце в диком виде. Она любит богатые, рыхлые и влажные торфяные почвы с повышенной кислотностью. Растет по низинам и долинам рек.

В центральной и северо-западной части нашей страны гортензия метельчатая из семейства гортензиевых самая устойчивая к низким температурам.

Гортензия метельчатая очень легко размножается делением куста, отводками и черенками. Весною вокруг ее основного куста появляется много молодых побегов, часть из которых можно пригнуть и пришпилить в прорытые канавки глубиной в 10—15 сантиметров. Сверху побеги присыпьте перегнойной землей, наполовину смешанной с разложившимся торфом. Другую часть молодых побегов можно вырезать и использовать на черенки.

Если на школьном учебно-опытном участке есть 10 больших кустов метельчатой гортензии, то за один летний сезон можно вырастить до 300 укорененных саженцев и в эту же осень высадить на постоянное место или прикопать для весенней высадки.

На том месте, где будет расти гортензия метельчатая, почва должна быть богатой, торфяной и влажной. Если кустики высажены в песчаную почву или на возвышенное место, их необходимо чаще поливать.

Чтобы получить более высокие и хорошо цветущие кусты, весною надо оставлять не более трех-четырех побегов, самых сильных, обрезав их на одну треть. Вокруг штамбового деревца нужно удалить все порослевые побеги.

Рис. В. Прокофьева

КАРАГЕЗ

Ущелья постоянно меняют цвет от лилово-синего до хрустально-голубого. Идем узкой тропинкой. Мой спутник егерь Гаджиали загудел в рожок. И в нескольких шагах от нас шевельнулись ветви клена с крупными резными листьями, и на тропу вышел олень. Он гордо держал ветвистые рога, его большие темные глаза пристально смотрели на нас.

— Дикий? — тихо спросил я.

— В заповеднике все дикое, — ответил Гаджиали. — Но это мой воспитанник. Мать его растерзали волки, а олененка я вытащил из дупла. За черные глаза я назвал его Карагезом.

Егерь достал из хурджуна хлебную корочку, любимое лакомство оленя, и, положив на ладонь, позвал:

— Карагез, Карагез! Иди. Чего испугался?

Олень не сдвинулся с места. Его лоснящееся золотистое тело было напряжено, он готов был в любую минуту юркнуть в кусты.

— Спрячься, — сказал мне егерь. — При постороннем Карагез не подойдет.

Я укрылся за листвой кленов. Олень еще с минуту колебался, затем подошел к Гаджиали и осторожно мягкими бархатными губами взял с ладони корочку. Карагез снова тревожно посмотрел в мою сторону, высоко вскинул рога и величественно понес их в глубь заповедного леса. Сквозь ветви кленов и столетних буков просачивался свет, и мне казалось, что олень несет на своих рогах солнце. Он весь светился, его гладкая шерсть отливала медью. Олень уходил в неведомую мне лесную сказку.

К вечеру на альпийском лугу решили разбить бивак. На вьючной лошади у нас находились палатка, мешочек с углями, чайник.

Раскинув циновку, Гаджиали разжег угли, подогрел ужин, вскипятил чай и после ранней вечерней трапезы мы улеглись спать, уставшие от большого дневного перехода. В углу у нас лежали пучки свежих цветов. Палатку наполнили запахи ландышей и ромашек. Спали крепко, без снов. Не знали, что ночью выпала сильная роса и стало прохладно.

Я проснулся первым. Над вершиной Ахкимала догорала бледно-розовая полоска зари. Снеговая вершина казалась прозрачной, будто просвечивалась насквозь.

Блики зари падали на входное отверстие палатки и на весь Большой Кавказ: хребты, альпийский луг, лес были прикрыты легкой розовой вуалью.

Я посмотрел на давно угасшие угли и заметил, что зашевелилась зола. Протер глаза и замер в изумлении. Рядом с циновкой Гаджиали на теплом пятачке земли лежала крупная змея. Ночная прохлада и роса, видимо, загнали ее в палатку. Мне стало как-то не по себе. Нежданная гостья вела себя мирно. Она чуть-чуть лениво приподняла приплюснутую голову, поводила ею по сторонам и снова положила ее на упругое, завитое колечками тело.

Что делать? Я старался не шевелиться. Только тихо звал: «Гаджи-даи, Гаджи-даи!»

Сон егеря чуток. Не поднимая головы, он спросил:

— Что тебя беспокоит, гость наших гор?

— Змея. Гаджи-даи, рядом с тобой змея.

Егерь спокойно сел, скрестив по-кавказски ноги, осмотрелся и, взяв в руки попону, спокойно, как ребенка, прикрыл ею змею.

— Выходи, — сказал он, — и развязывай веревки.

Вслед за мной вышел и Гаджиали. Мы сняли палатку, и в это время зашевелилась попона, и из-под нее выползла метровая серо-зеленая змея. Она грозно прошипела, ее раздвоенный черный язык, как маятник, угрожающе закачался. Видя, что ей ничто не угрожает, змея юркнула под листья-ладони горной чемерицы.

— Неплохо провела ночку в тепле, — улыбнулся егерь. — Бывает такое.

Над горами всходило солнце. На траве и цветах заискрились росинки. Казалось, будто по альпийскому лугу кто-то рассыпал серебряные конфетки. По тропе к вершине Ахкимала цепочкой поднимались туры.

Начинался новый день.

Вот и отроги Ахкимала. Такое впечатление, будто они покрыты узорчатыми восточными коврами. Гаджиали присмотрелся и, подавая мне бинокль, сказал:

— Однорогий на своем посту. Смотри вон на тот выступ скалы.

На скале, как на пьедестале, стоял однорогий тур. Он зорко сторожил стадо, которое разбрелось по склону.

— На старого тура напали волки, — начал свой рассказ егерь. — Казалось, что от пяти хищников ему не спастись. Тур пошел на хитрость. Он увлек разъяренных зверей к обрыву. Вот он замедлил бег, и матерый волк клацнул зубами: добыча была рядом. Серый разбойник метнулся на беззащитное животное, но тур сделал рывок вперед и бросился в обрыв. Он упал на толстые рога, которые не раз служили ему трамплином, но на этот раз не рассчитал и задел рогом гранитный валун, один рог был сломан. Невдалеке лежали тела двух разбившихся хищников. Три волка застыли на скале. Так в суровом поединке тур потерял свой мощный рог. Теперь он очень строго оберегает стадо от опасности. Его сигнал — свист слышен далеко.

Я снова взял бинокль и долго смотрел на гордого тура. Он казался изваянием скульптора.

Потом мы шли узким коридором между каменных скал. Зеленой дорожкой стелилась манжетка. И вдруг прямо над нашей головой пронесся черный гриф. Он нес в когтях маленькую косулю.

— Пернатый шайтан, — сердито сказал Гаджиали. — Загубил юное животное.

Гриф сел на каменный выступ, и вскоре оттуда донесся возбужденный писк птенцов.

— Надо уходить от гнезда, — сказал Гаджиали.

Не успели мы сделать и десяти шагов, как гриф метнулся со скалы прямо на нас. На бреющем полете он пронесся в метре над нашими головами. Вскоре к нему присоединился второй «черный дьявол». Птицы азартно наступали на нас, выпустив стальные когти. Я подумал: «То-го и гляди выцарапают глаза».

Да, с хищными птицами шутки плохи. Гаджиали быстро подобрал с земли сухие ветки и разжег костер. Пламя взметнулось вверх. Это отпугнуло грифов. Они выше поднялись, и теперь мы были в безопасности.

— Надо смастерить факел и поскорее добраться до леса, — сказал Гаджиали.

С помощью огня мы выбрались из плена пернатых хищников. Они до самого леса преследовали нас, но все обошлось благополучно. Выручила смекалка егеря.

На этот раз мы устроились на ночлег под кронами столетнего бука. Хурджун с продуктами повесили на сучок, повыше от земли. Спали крепко. В горах воздух чистый, здоровый. До рассвета ни разу не проснешься.

Утром увидели такую картину: хурджун сброшен на землю, продукты разбросаны, копченая колбаса съедена.

Гаджиали присмотрелся и сказал:

— Рысь нашкодила. Хорошо, что консервы остались.

На другой день, направляясь в ущелье Рочигельбор, мы нашли рысь с распоротым животом. Рядом увидели останки молодой свинки.

— Жестокий был поединок, — сказал егерь, обследовав вокруг рыси местность. — Хищница напала на молодую свинку. И так увлеклась добычей, что не заметила, как подобрался секач и пустил в ход острые клыки.

К. Хромов

ПТИЧЬЯ СТОЛОВАЯ

В закатном небе уже не тянутся из-за реки с полей стаи грачей. Не слышно их гвалта на деревьях в сумерки. Кроны вязов поредели, и сквозь них по вечерам просвечивают мигающие от расстояния огоньки на другом берегу. Погасла пестрота красок. Ветви старой липы во дворе сбрасывают последние желтые листья. Гирлянды садовой фасоли пожухли.

Пора вешать под форточкой окна кормушку для синиц. Они в эту пору перебираются ближе к жилью и, посвистывающими стайками перелетая с места на место, подыскивают на зиму «квартиры» и «столовые».

Суетливые, испуганно-любопытные синицы устраивают за окном веселый хоровод, никогда не садясь на кормушку по нескольку штук одновременно. Одна прилетит, посидит на жердочке, повертит черно-белой головкой, посвистит, подскочит к подвешенному куску сала, клюнет несколько раз, схватит семечко и стремглав летит на ветку липы долбить. Сядет другая, а третья, четвертая ожидают на проводах антенны, стеблях фасоли, уцепившись за оконные переплеты. Если встретятся на кормушке две, растопырив крылышки, шипят друг на друга, улетают и потом долго в воздухе гоняются одна за другой. Еще по-летнему стройные, с гладкими блестящими перышками, они не все зерна расклевывают, часть прячут в свои кладовые на зиму.

Готовятся к зиме и воробьи. Они тоже ищут, где можно подкормиться. Их нахально-дружный коллектив с полной уверенностью считает, что кормушка повешена для него. Атакуют они ее всем скопом. Нет никакой очередности, и с семечком в клюве никто никуда не улетает, шелушит тут же, на месте. Около сала устраивают потасовки, дерутся, лезут друг на друга, пробираясь к нему. Прогонишь, улетят на ближнюю ветку или усядутся цепочкой на перилах и ждут удобного случая снова прорваться к еде. А стоит одному залететь на кормушку, за ним вся стая. Вежливые синицы с грустью смотрят со стороны, как незваные нахлебники уничтожают припасы.

Чтобы накормить и синиц, приходится одновременно бросать воробьям крошки на балкон, а тем — семечки на кормушку. Но и это помогает только относительно. Некоторым уже сытым пройдохам в серо-коричневых жилетках больше нравятся подсушенные семена, и к хлебным крошкам они относятся с пренебрежением. Такие ловкачи не лезут в общую свалку у крошек, а, сидя в сторонке, поджидают синицу и вместе с ней норовят заскочить на кормушку.

Летают синицы стайками. Три года назад одна из них привела с собой к кормушке пестрого дятла. Он долго сидел на ветке у окна, приглядываясь. Кусок сала над кормушкой манил. В конце концов не выдержал и перебрался на перила балкона. Сел, готовый каждую секунду улететь, пугливо вертя головой в красной шапочке. Посидел, перелетел на кормушку, но перед тем, как приблизиться к салу, опять долго озирался. Наконец подскочил, ударил по куску клювом — отпрянул. Но ничего не случилось, все спокойно, и тогда, окончательно решившись, подошел к лакомству, и, придерживая его лапой, заработал. Частыми ударами отобьет кусочек, отщипнет, проглотит и снова колотит.

Лиха беда начало! Освоился, летал всю зиму три раза в день, а к весне привел и приятельницу. Он ест, она сидит на перилах, ожидая. Потом он ее ждет, прыгая по ветвям липы. Слушая по утрам дробный стук за окном, мы смеялись: «Семья прилетела!»

Следующую зиму дятел летал один. А нынче случилось, что, кроме завсегдатая, облюбовал кормушку и другой. Летали они в разное время и неприятностей между ними не было... Но то ли график сбился, то ли что другое подвело, однажды прилетели в одно время. Рассердились друг на друга, тут же учинили небольшую драку, разлетелись и дня три не показывались. Потом явились. Часы, очевидно, сверили и теперь не встречаются.

Весь день у кормушки кто-то есть. И в зимние короткие дни, в которые так и кажется, что все живое спряталось, забилось, заснуло, радостно смотреть на жизнь за окном.

Кроме «прописанных», прилетают к ней и случайные гости. Как-то пожаловала тройка свиристелей; пробыла день и улетела. Иногда посещает поползень. Несколько недель кормилась пугливая миниатюрная белоголовая лазоревка. Нанесли визит снегири. Даже галка прыгала по перилам, но так и не решилась перелететь на кормушку, хотя серые глаза неотрывно смотрели на сало.

Трудно пичугам зимой, когда на градуснике за окном несколько дней подряд красный столбик стоит ниже двадцати и между домами свистит ветер. Визгливо скрипит, стучит оторвавшийся лист железа кровли. При сильных порывах отдельные удары сливаются, и тягуче-заунывный звук висит в воздухе, то усиливаясь до скрежета и воя, то спадая до писка. Тоненькие пластинки снега, спрессованного морозом, ветер срывает с крыш, карнизов домов, подоконников и бросает наискосок к земле. А там мелкий, как пыль, снег ходит облаком, проникая в любую щель.

Воробьи, распушившись, сидят, прижавшись друг к другу, на перилах балкона. Спрятали лапы, порой вздрагивают, передергиваются. Спрятаться бы куда понадежней, но голод хуже мороза. Ждут. И как только корм падает на снег, бросаются туда. Белые фонтанчики поднимаются от резких частых движений короткими толстыми клювиками, выискивающими в снегу крошки, крупинки пшена. Снежная пыль запорашивает их спины, но они не отряхиваются, торопятся хоть что-нибудь проглотить.

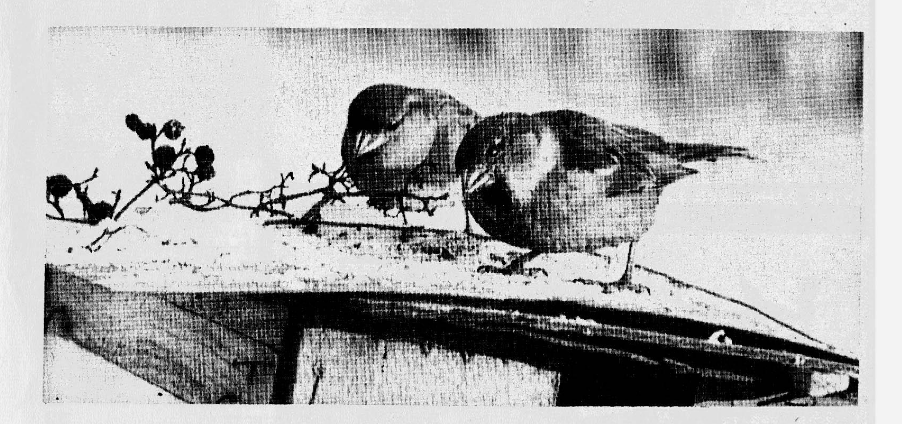
Синицы потеряли нарядность и выправку. Одна перепачкалась сажей, ночуя в старом дымоходе, другой на чердаке кошка хвост оторвала, третья отбила пальцы — прыгает на одной лапе, поджав больную к телу. Нет теперь у них строгой очередности, по нескольку штук одновременно садятся на кормушку. Кто послабее, и вовсе не улетает; долбит семечко, прижав коготками к планке у бортика.

Одна большая синица пережила холода, а к весне у нее отломилась часть нижней половинки клюва. Верхняя половинка длинная, а нижняя — пенек. Даже сала отщипнуть не может. Потом приспособилась крошки разбитого зерна брать, прижимаясь щекой к кормушке. Повеселела, перестала лохматиться. Дожила до тепла и улетела.

Повинен в несчастье птиц бывает и человек. Хотя всем известно, что в клетке синица жить не может, но с осени много их летает с путами на лапах. Одна вообще не могла двигаться. Лапа ее была обкручена тонкой медной проволокой, конец которой болтался и валил синицу. Прыгает на одной лапе, кувыркается, а вторая, растертая проволокой до кости, с омертвелыми скрюченными пальцами прижата к телу.

Страшно смотреть на такое! Плохое, как и хорошее, начинается с мелочей. Мало ли что может сделать потом злой, бездушный человек!

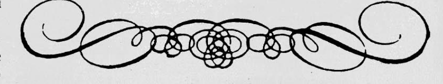
...Идет всю зиму суета у окна. А когда солнце становится щедрей и от проталин у фундаментов домов по утрам поднимается легкий парок, когда воробьи, весело гомоня, купаются в лужицах талой воды, у кормушки пустеет. Перестают летать дятлы, потом пропадают синицы. Только серые воришки нет-нет да и заглянут на балкон, высунут головы из-за перил.

Для тех, кто перезимовал, наступает веселая, радостная пора. Грачи без умолку будут перекликаться, вернувшись на старые гнездовья. Скворец прилетит на раскидистую липу под окном. Трепеща распущенными крыльями, он запоет призывную песнь любви. Ведь когда на березах появляются липкие желтоватые листочки, и в голосе воробья слышится что-то соловьиное.

Н. Пермяков

Фото П. Левшина

«УТРО ЗАНИМАЕТСЯ».

Лора Банникова,
г. Улан-Удэ

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. ВИНОГРАДОВ

Редколлегия: Григорьев В. В., Корчагина В. А., Клумов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук, профессор Н. А. Гладков.

Художественный редактор **А. А. Тюрин**
Технический редактор **Н. Ф. Михайловская**

Рукописи и фото не возвращаются.

Сдано в набор 6/VIII 1973 г. Подп. к печ. 5/IX 1973 г. А03072. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 550 000 экз. Заказ 1533. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Сущевская, 21.

«НА БОЛОТЕ»

«КОНЕК-ГОРБУНОК»

Оля Рожкова
Московская область

20 коп.

Индекс 71121